

АЛИНА ЗНАМЕНСКАЯ

Все ли в порядке в нашей жизни?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА

Замок из песка. Лирическая проза Алины Знаменской

Алина Знаменская
Свидетельница

«Издательство АСТ»

2009

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Знаменская А.

Свидетельница / А. Знаменская — «Издательство АСТ»,
2009 — (Замок из песка. Лирическая проза Алины Знаменской)

ISBN 978-5-17-136113-6

У Светланы большая дружная семья, много подруг и целый класс «трудных» учеников вместе с их родителями... Совсем некогда скучать! Каждый хочет получить от Светы частичку ее внимания и щедрой души. И она делится этим со всеми. Но однажды с ней случается беда: мужа обвиняют в убийстве. И такой привычный, отлаженный и упорядоченный мир вокруг начинает рушиться. Она вдруг понимает, что становится свидетелем не только в деле об убийстве, но и в судьбах дорогих ей людей. Светлане уже сложно оставаться прежней, ее мучает вопрос: «Почему мы так живем?» Мир поворачивается другой стороной, и очень хочется в нем что-то изменить... Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-136113-6

© Знаменская А., 2009
© Издательство АСТ, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алина Знаменская

Свидетельница

Серия «Замок из песка. Лирическая проза Алины Знаменской»

Компьютерный дизайн обложки Екатерины Елькиной

© А. Знаменская

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Глава 1

Я – свидетель. Когда я пришла к этому выводу, мне стало немного легче. Все же свидетель – это не виновник происшествия. Хотя если послушать моего мужа Игоря, получается, что я вроде как косвенно причастна к тому, что происходит с моими близкими людьми. Наше окружение включает и нас самих. А мы несем на себе печать своего окружения.

Мое окружение – это бабушка Кира, отец с матерью, тридцатипятилетняя разведенная тетя, пятнадцатилетний племянник Кириуша с психиатрическим диагнозом, подруга Ксюша со своей мамой, которых Игорь считает малахольными, оба Ксюшины мужа – бывший и нынешний, а также все друзья родительского дома, которых я не могу не причислить к своему окружению, поскольку росла с ними бок о бок и они влияли на меня и на мою жизнь. К моему окружению нельзя не отнести коллег-учителей и учеников. В прошлом учебном году это были сплошь умницы лицеисты, ухоженные и порой слишком избалованные; в этом учебном году – интернатские разболтанные дети – матерщинники, не понимающие нормальных слов... А я – свидетель. Клянусь, я захожу в их жизни непроизвольно, порой – не прикладывая к этому никаких усилий, и становлюсь участником событий, в которых участвовать совсем не хотела! А муж утверждает, что я вляпываюсь в них по собственной инициативе. Одно я знаю точно – невзирая на то что мне пришлось пережить в этот непростой год, я не перестала любить свой маленький мир и, надеюсь, благодаря происшедшему с нами даже стала немного мудрее.

Началось все с того, что Игорь отказался ехать на юбилей Киры. Ей исполнялось 65, она по-прежнему преподавала в университете историю, имела ясную голову и могла бы командовать армией, но приходилось сужать руководящие способности до рамок семьи. Точнее, своего окружения, поскольку под широко распахнутое крыло чадолюбивой Киры попали и ее бывший ученик Рома Горин вместе с женой и дочкой, а также подруга дочери, для меня – тетя Таня, мамина подруга и одновременно мать моей подруги Ксюши. И еще... Впрочем, это не столь важно.

Итак, я ходила по квартире, пытаюсь придумать аргументы. Игорь сидел ко мне спиной, уткнувшись носом в жидкокристаллический монитор компьютера, и делал вид, что не замечает моего волнения. Компьютер – вечное прибежище Игоря в наших семейных разногласиях. Наверное, поэтому я терпеть не могу компьютеры.

Наша двухкомнатная хрущевка давила на меня потолками и стенами. Разбежаться-то особо было некуда, и я ходила от шкафа до окна, заодно собирая разбросанные дочкой игрушки.

– Мы не можем испортить бабушке праздник! – воскликнула я, с мольбой уставившись в затылок Игоря. – Она ждет, она готовится... Все приедут, а семья внучки – нет. Как такое можно представить, Игорь?

Иногда мне кажется, что за компьютером он становится на время глухим. Но даже таким я не перестаю любить мужа. Его стриженный затылок, его бескровные уши, прижатые к голове, его плечи – острые и неровные, без покатостей. Плечи, пожалуй, лучше всего остального выражают характер моего мужа. Они подчеркивают его скрытое упрямство, которое выходит наружу всегда неожиданно. Так, что даже теряешься.

– Я же не настаиваю, чтобы ты не ехала. Забирай Иришку, поезжайте с Черновыми. А за меня извинись, скажи, что комиссия.

Черновы – это Ксюша и ее новый муж Вадик. Значит, все явятся на праздник семьями, а я – Черновыми. Как сирота какая!

У меня даже слезы подступили к глазам. Я говорить не могла, а он решил, что я обдумываю вариант поездки с Черновыми.

Я знала, что в любом случае поеду. Я люблю Киру, люблю своих родителей, тетку, племянника, Ксюхину мать тетю Таню. И бизнесменов Гориных люблю, несмотря на то что они немножко снобы. Даже их избалованную дочку Нику люблю. Я выросла в большом шумном доме, и теперь мне его не хватает! Он входит для меня в понятие «семья». А для Игоря семья – это он, я и наша дочь Иришка. Все.

– Нет у тебя никакой комиссии! – наконец буркнула я. – Просто ты – сыч. Сидел бы в уголке со своим компьютером. А общаться с людьми ты не любишь.

– Светик, солнце мое! – Муж крутнулся на одноногом стульчике и остановился прямо напротив меня. На лице его блуждала улыбка, но сквозь эту улыбку так и сочилось упрямство, которое выражала спина. – Я наобщался с Кирой Георгиевной – во! – Он провел ребром ладони по горлу. – Досыта наобщался, пока мы жили в ее доме «большой дружной семьей». Теперь мне требуется период реабилитации.

Я растерялась. Как-то привыкла, что с Кирой все считаются, все уважают ее и слушаются. Конечно, она любит покомандовать. Мы с мамой и мамина сестра Лена напрочь лишены этой Кириной властности, ибо все забрала она одна. Это ведь не мое наблюдение, что у властной матери, как правило, дети – амебы.

Мне представляется, что на семью дается сундук качеств. Если один берет из этого сундука себе слишком много, то другим не достается.

Кто бы возражал! Можно представить, что было бы, перейми мы все трое качества Киры. Клубок лидеров. Террариум единомышленников. Одного командира вполне достаточно. Даже папа относится к этому снисходительно. На моей памяти не было ни одной ссоры папы с тещей. У нас вообще достаточно дружная семья, с вылазками на природу, с лыжными прогулками, с рыбалками и походами за грибами. Всем этим руководит бабушка Кира, а остальные весело участвуют.

Поступок Игоря – первый бунт на корабле. Я заранее почувствовала себя виноватой перед Кирой.

– Хочешь, я с Иришкой останусь? – Игорь прищурился и наклонил голову. – А ты поезжай одна. Развеешься, отдохнешь от нас...

Когда он так вот прищуривается и наклоняется, у меня внутри что-то обрывается и начинает таять как воск. Я совершенно не могу с ним спорить в такие моменты. Похоже, он это раскусил.

– Ты знаешь, Светлячок, как я устал от учителей... – Он осторожно подкатывал ко мне на своем компьютерном кресле. – Бабушка профессор, теща завуч...

– Жена учительница, – подсказала я.

Игорь подкатил к самым моим ногам и, прежде чем я успела отскочить за диван, уцепил меня за пояс бриджей.

– Жена учительница, – согласился он. – Учит и учит, учит и учит...

Я была у него на руках, и мы вместе крутились вокруг своей оси. Я дышала его запахом... Я так люблю его запах, что иногда потихоньку пользуюсь его туалетной водой. Он об этом даже не догадывается.

– Игорь, давай я не буду учительницей. Правда. Давай я уволюсь и буду сидеть дома с Иришкой.

– Опять двадцать пять!

Игорь попытался мотнуть головой, но я крепко держала его за уши.

– Игорь, я не могу больше работать в интернате, честное слово! Эти дети пьют мою кровь! У меня не остается сил на собственного ребенка!

– Тебе всегда нравилась твоя работа. – Игорь накрыл мои ладони своими и попытался убрать их с ушей. Я держалась крепко.

– Конечно! Я работала в лицее. Там такие дети!

– Дети как дети...

– Ничего подобного! В лице совсем другие дети. Чистые, ухоженные, умненькие.

– Этих отмой, будут такие же.

Когда он так говорит, меня охватывает отчаяние. Меня не понимает собственный муж! Я одинока! Мне не к кому голову приклонить!

Да он просто не представляет, что я вынуждена терпеть в интернате.

Я поднялась и ушла на диван. В глазах моих стояли слезы. Игорь с улыбкой смотрел на меня. Даже не глядя в его сторону, я чувствовала нежность в его улыбке. Все-таки он тоже во мне что-то находит. Он говорит, что я похожа на Джулию Робертс. Я часто перед зеркалом пытаюсь отыскать сходство и пока нахожу его только в губах. У меня такой же большой и нескладный рот, как у нее. Если губы не накрашены, кажется, будто я только что плакала. Ксюшка же считает, что губы мои выглядят как у школьницы, которая весь вечер целовалась в подъезде. Не знаю, что уж в этом хорошего, но что-то порочное имеется точно. Поэтому я немного стесняюсь своих губ.

– Свет... – Игорь поднялся, потянулся и хрустнул суставами. – Ну нет здесь в поселке выбора. И это место с трудом нашли. Ты уж потерпи, котенок... На мою зарплату мы пока не проживем.

Я отвернулась и быстро промокнула слезы рукавом футболки – в дверях стояла Иришка с трубкой радиотелефона в руках.

– Кто звонит? – спросил Игорь.

Дочь хитро улыбнулась и склонила набок голову, точь-в-точь как это делает отец. И протянула ему трубку. Игорь послушал и передал мне:

– Тебя. Ксюха.

По приглушенному голосу подруги я сразу поняла: случилось что-то из ряда вон выходящее. Мне даже показалось, что она зубами стучит, будто замерзла.

– Пожжалуйста, Свет, приди ко мне прямо сейчас! – умоляла она. – Я тебя очень прошу!

Я беспомощно оглянулась на часы – половина одиннадцатого, Иришке давно пора спать.

– Ксюш, поздно уже, – ответила я больше для Игоря. – Что стряслось?

Я знала, что не смогу ей отказать. Не каждый день она говорит по телефону таким голосом.

– Если ты не придешь, – проклацала зубами Ксюша, – то завтра найдешь вместо меня холодный труп.

Я еще некоторое время молча слушала гудки. Игорь смотрел на меня. Я в недоумении пожала плечами:

– Я добегу до Черновых? Что-то у Ксюшки стряслось. Уложишь Иришку?

– А ну-ка спать! – скомандовал он и для пущей убедительности похлопал в ладоши вслед убегающей дочери. Ее как ветром сдуло. Наша дочь не любит укладываться.

Вот в чем нельзя упрекнуть мужа, так это в придирчивости или ревности. Надо – иди. Он и с ребенком останется, и докапываться не станет – куда, чего, зачем...

Одеваясь, я раздумывала, что могло стрястись у Ксюхи. Конечно, ей свойственно все немного преувеличивать. Она слишком эмоциональна и из всего городит огород. Кажется, она сама от своих эмоций устает.

Заглянув в комнату дочери, я увидела полный погром. Иришка сидела на полу среди беспорядочной кучи, состоявшей из ярких частей конструктора, мозаики и пластиковых карточек развивающей игры «Ожидание». Среди этого живописного хаоса моя четырехлетняя дочь чувствовала себя вполне комфортно. Она увлеченно выдирала из головы многострадальной пластмассовой куклы Тани последние волосы.

– Ира!

Дочь уставилась на меня жгуче-карими глазенками в обрамлении густых темных ресниц и жестом показала, чем она занимается. Расческу протянула и куклу.

– Тане волосики расчесываешь? – уточнила я и присела рядом с ней. – Скажи: «Та-ня!»

Дочка прижала куклу к груди и хитро улыбнулась.

– Скажи, малыш: «Та-ня».

Дочка мотнула головой и отвернулась.

– Ну, тогда скажи маме: «Пока».

Иришка, не взглянув в мою сторону, механически сделала ладошкой «пока».

Я намотала на шею шарф и закрыла за собой дверь.

«Ожидание». Надо же было так назвать развивающую игру для детей от трех до пяти. С намеком. Будто этот инженер-конструктор и впрямь знал, что испытывает мать, играя в нее со своим ребенком.

«Ожидание»... Точнее и не придумаешь. Игра нацелена на развитие мелкой моторики, точнее – пальцев. Потому что, как выяснили ученые, развитие пальцев напрямую связано с развитием речи. Когда ребенок в четыре года не говорит, вся надежда на пальцы. Вот и развиваем мы эти пальцы, вот и складываем эти бесконечные мозаики, пазлы, лото и конструкторы.

Специальный детский сад. Бесконечные упражнения, массаж, непрекращающиеся занятия и постоянное чувство вины. Что-то недодаешь своему ребенку, могла бы делать больше. Отдать все время, все силы, все возможности, все средства, только бы услышать от нее первое слово, произнесенное внятно и осмысленно. Любое слово.

У детей в моем классе самое расхожее выражение «на х...».

Вова Ширяев вставляет это словосочетание повсюду:

– Я, Светлан Николаен, не выучил на х... эту долбаную таблицу умножения на х... Трудная на х... собака, на х...

Когда я впервые услышала Вову, то покраснела до корней волос. А те, в свою очередь, встали дыбом. Но что самое любопытное – слова Вовы произвели впечатление на меня одну. Ребята в классе как занимались своими делами, так и продолжали. А вот когда заметили, как я краснею, захихикали и загоготали. Мальчики просто на парты попадали. Я пол-урока их потом успокаивала. Когда после в учительской я обратилась по этому поводу к завучу, она только плечами пожала:

– Ну а что вы хотите, милая Светлана Николаевна? Это вам не частный лицей, а государственный интернат. Скажите еще спасибо, что наряду с брошенными, социально запущенными детками у нас учатся все же и домашние. Пусть небольшой процент, но...

– Спасибо.

Ожидание... Я ждала от своей дочки любого слова, пусть хоть матерного! Но время шло, а слова этого все не было... Иришка упорно молчала.

Наш поселок, примыкающий к большому областному городу, образовался когда-то вокруг завода. Теперь же разросся и разделился на два микрорайона. По одну сторону трассы, там, где живем мы, – Простоквашино – так неофициально зовется спальный массив безликих хрущевок, унылых и облезлых. По другую сторону – Поле Чудес – коттеджный элитный поселок, где живут Горины и Черновы. Обитатели Поля Чудес гордятся тем, что живут за городом, почти в лесном массиве. И они правы, поскольку сразу за одинаковыми кирпично-чугунными оградками поселка начинается хвойный лес с лосями и белками. Обитатели Простоквашки, живущие буквально через дорогу, стесняются называть свой район, поскольку он самый непрестижный в городе, добираться до центра приходится с двумя пересадками. И горе тому, кто живет в Простоквашке, а работает или учится в центре города.

Все относительно в этом мире, и жизнь переворачивается буквально с ног на голову, стоит перейти дорогу...

Я прошла мимо темной школы, пересекла стадион и оказалась на трассе. От будки гаишника открылся прекрасный вид на расцвеченный новогодней иллюминацией поселок. Кусты вокруг коттеджей, увитые специальной сеткой с лампочками, создавали атмосферу праздника. Коттеджи весело светились многочисленными окнами и звали, манили в свой уютный комфортабельный рай.

Каждый двухэтажный коттедж рассчитан на три семьи и выстроен как бы змейкой. Все семьи имеют отдельный вход, гараж и свои клумбы под окнами. Когда я прохожу мимо этих сказочных миров, то невольно заглядываю за ограду. Во дворе крайнего коттеджа почти всегда гуляет молодая мама или же няня с ребенком, а из окна на них смотрит породистая собака соседей. И эта картинка заставляет внутри у меня что-то сжиматься и замирать. Я завидую...

Ксюшкин дом, третий по улице, ничем не отличается от остальных. В коттедже, кроме Гориных и Черновых, живет еще одна семья, как раз посередине. И я всегда, приходя в гости к подруге, вижу в окошке мансарды аккуратненькую седую головку старушки. Такое ощущение, что она вечно сидит у окна, как у телевизора. И так приятно, что с молодыми вместе живет бабушка. Впрочем, в тот вечер, когда я подходила к двери Черновых, окно в мансарде было уже темным. Я вспомнила, который час.

Дверь оказалась открытой. Я вошла, предварительно стряхнув с себя снег на крыльце – в Ксюшкин рай не хотелось вносить даже снежинки из бренного мира.

– Э-эй, дома есть кто-нибудь?

Тишина. Я освободилась от дубленки и сапог и почему-то на цыпочках прошла в холл. Из просторного холла с камином почти насквозь просматривалась столовая с длинным столом, на котором в подсвечнике горели две свечи. На первом этаже в тот момент было только два источника света – камин и свечи. Я заподозрила неладное. Розыгрыш? Ксюха с Вадиком решили вытащить меня на ужин? А почему без Игоря? И к чему вся эта таинственность?

Я стояла и смотрела на сервированный стол, на котором, впрочем, было выставлено лишь два прибора.

– Ксю! – громко позвала я.

Нигде ни звука. Только в камине потрескивали березовые поленья.

Я собралась уже подняться на второй этаж, когда увидела торчащие из-за дивана ноги в ботинках.

Кажется, я взвизгнула и отпрыгнула к самому порогу. С минуту простояв в полном ступоре, все же приблизилась к дивану с другой стороны и осмелилась заглянуть за него. На полу между лестницей и большим кожаным диваном, как раз напротив камина, лежал человек. Он находился в самой неудобной позе – лицом вниз, ногами к лестнице. Руки его, странно вывернутые, были протянуты к огню. Судя по комплекции и форме головы – Вадик. Я заставила себя подойти ближе и наклониться. На лежащем был серый дорогой костюм со шлицами по бокам, как у президента. Рукава по самые локти почему-то были мокрыми. Огонь от камина не успел их просушить.

«Главное, ни за что не хвататься руками», – вспомнила я.

Первым моим движением было достать мобильник и позвонить Игорю, но я с ужасом обнаружила, что не взяла телефон. Домашний у Черновых находился наверху, в спальне. Необходимо было на что-то решиться: или сейчас же схватить свои вещи и убежать, или подняться наверх, что бы там меня ни ожидало.

«Если ты не придешь, то завтра найдешь вместо меня холодный труп». Кажется, один уже есть.

С трудом сдерживая подступившую вдруг тошноту, я перешагнула через ноги в ботинках и поднялась по лестнице.

Наверху горел свет, где-то журчала вода. Двери спальни были нараспашку.

– Ксю...

Я по очереди заглянула в обе спальни – пусто. Чернова убили, а Ксюху похитили! После этой мысли сильно захотелось в туалет.

Это помещение у них в торце коридора, туда я и побежала.

– Тут я... – раздалось откуда-то снизу, едва я достигла цели.

Напротив туалета у Черновых находится громадный шкаф-купе с дверцами-зеркалами. Я осторожно отодвинула дверцу. Первое, что я увидела, – это голые коленки. Моя подруга сидела в углу шкафа и, клацая зубами, смотрела на меня. Без косметики, с мокрыми волосами...

– Да что стряслось? Почему у тебя волосы мокрые? Вылезай!

– Где он?

– Вадик? Внизу... лежит. На вас напали?

– Кому мы нужны, чтобы на нас нападать? Это он на меня напал, сволочь.

К моей подруге постепенно возвращалось присутствие духа.

– Вадик? – переспросила я как попугай.

– А кто же еще? Он меня чуть не утопил.

– Где?

Я решила, что «чуть не утопил» – это образное выражение. Облил чем-нибудь. У Черновых это запросто – схватить вазу со стола, запустить ею в спутника жизни. Только знай уворачивайся. Скандал до небес, на другой день – любовь до гроба.

– В ванне, – угрюмо пояснила Ксюха. Трясущимися руками она достала из комода фен.

Я сушила подруге волосы и пыталась добиться от нее деталей. Подрбностей. Ксюха же находилась в заторможенном состоянии. Из ее скупых замечаний сложилась следующая картина.

Ксюша приготовила для мужа романтический ужин при свечах и ждала его при всем параде. Она пыталась внести в их отношения ноту романтики, о которой читала в модных журналах. Вадик по какой-то причине к обещанному сроку не явился, а приехал поздно и на бровях. Он уже с кем-то где-то поужинал. Ксюша наверняка стала его этим попрекать, говорить, что она даже ванну ему приготовила и, как дура, три раза меняла воду с пеной.

Тут он и схватил ее, как котенка, и сунул в эту ванну, и окунул с головой, и, может быть, даже не один раз. Ему это ничего не стоило, поскольку Ксюша рядом с ним как Моська рядом со слонем.

– Я нахлебалась воды, понимаешь? Если бы у него мобильник в кармане не зазвонил, я бы на дно пошла!

– А что было потом? – осторожно спросила я.

– Потом? – Ксюша задумалась. – Он спустился вниз и что-то орал оттуда, снизу, а я спряталась. Я тебе из шкафа звонила.

Я молчала.

– Останешься у нас сегодня? – тихонько пискнула моя подруга. – Я его боюсь!

– Он уже ничем тебе не навредит, – задумчиво проговорила я. – По-моему, он того...

Ксюшка уставилась на меня чистыми глазами обиженного ребенка:

– Того?

– Ну, он... не производит впечатления живого...

Мы спускались вниз, боясь скрипнуть лестницей. Трудно было избавиться от ощущения, что, кроме нас и распростертого внизу Вадика, в квартире имеется кто-то еще. Не дойдя до низа, перегнулись через перила и уставились на лежащего. Бритый череп Чернова блестел, отражая блики огня. Рукава пиджака почти высохли. При мысли, что придется снова перешагивать через ноги в ботинках, меня начало подташнивать. Ксюшка, узрев обездвиженное тело благоверного, быстренько спустилась с лестницы, бесцеремонно пнула ближайшую ногу. В ответ на это действие распростертое у камина тело пошевелило руками. Кулаки отодвинулись от огня.

– Живехонек... – констатировала Ксюха.

Она прошла в столовую и откупорила красивую бутылку, приготовленную для романтического ужина.

– Надо выпить.

– Ксюш, мне домой пора. Хочешь, пойдем к нам. Переночуешь...

– Ты что! Если он меня утром дома не найдет, убьет сразу. И вам достанется.

– Что же делать?

– Давай съедим ужин, не пропадать же добру?

– Вредно наедаться на ночь, – ответила я извечной фразой моей бабушки Киры. – Кстати, вы на юбилей поедете?

– Что за вопрос? – удивилась Ксюша. – Я уже и подарок купила. Хочешь, покажу?

Меня всегда удивляла ее способность переходить из одного эмоционального состояния в совершенно противоположное.

– А Вадик не заупрямится?

– Он? – презрительно вскинула брови моя подруга. – Да он завтра в ногах валяться будет!

– Значит, такое уже бывало? – удивилась я.

Ксюшка только плечами пожала. Значит, это не впервой.

– Понимаешь, ты можешь проговориться своей маме, а она – моей, – оправдывалась она. – Поэтому я тебе не говорила.

– Я тебя хоть раз выдала? – обиделась я. – Хоть раз?

Короче, ушла я от подруги напрочь расстроенная. Самое главное, не могла понять, что больше меня вывело из себя – скотское поведение Вадика, Ксюшкина скрытность или упрямство Игоря.

Я заранее знала, что скажет Игорь, когда я поведаю ему, что стряслось у Черновых. Он вообще не понимает, зачем я дружу с Ксюхой.

– Что у вас общего? – недоумевает он.

У меня нет однозначного ответа на этот вопрос. В моем случае подруг не выбирают. Ксюха досталась мне «по наследству» от мамы.

Моя мама дружит с тетей Таней, мать тети Тани, в свою очередь, дружила с Кирой. Ну а мы росли вместе с Ксюхой, наши мамы обсуждали каждый наш шаг.

Ксюшка, конечно, немного легкомысленна. Благодаря своему легкому, увлекающемуся характеру она вляпалась в Вадика, как, впрочем, до Вадика вляпалась в Толика.

Но ведь у Ксюшки имеются и сильные стороны. Главное то, что она по-настоящему предана мне. Ей можно рассказать все и забыть об этом.

На юбилей я действительно поехала с Черновыми. Нужно обмолвиться, что Вадик вел себя аки ангел и, прежде чем отправиться за цветами для Киры, завез нас в магазин Гориных «Меха», где Ксюша выбрала себе шубку. Мне начало казаться, что вчерашнее происшествие у Черновых – всего лишь страшный сон.

Кира чрезвычайно любит семейные торжества. В такие дни и старый наш дом, построенный в 60-е годы прошлого столетия моим дедом-архитектором по собственному проекту, оживает, преображается. Дом стоит в центре города, в хорошем месте, недалеко от парка. Его прежде было видно со всех сторон, и он вызывал восхищение соединением простоты и изящества. Теперь же он зажат с трех сторон новыми высотными строениями, и если бы мог думать, то, вероятно, недоумевал бы, что произошло и почему к нему во двор почти перестало проникать солнце. И все же дом наш по-прежнему имеет преимущество в виде собственного дворика с живой елкой и качелями.

Я могла легко представить, что происходит за толстыми стенами нашего дома в любое время. Например, в то утро, когда мы с Черновыми ехали за цветами для именинницы, в доме

уже стоял дым коромыслом. В духовке допекался пирог. Моя мама, как называет ее Кира – «Лидуся», вместе с мамой Ксюшки, тетей Таней, украшали салаты и накрывали на стол. Папа чистил во дворе выпавший за ночь снег, а Кира делала последние замечания и сдувала последние пылинки с мебели.

– Горины не звонили? – спросила она как бы между прочим.

– Куда они денутся, твои Горины, – отмахнулась мама, – приедут. Когда им звонить? У Ромы бизнес, у Эллы – фитнес, а у Ники – университет. Или, как они теперь говорят, универ.

– Я бы сказала по-другому, – уточнила мамина подруга Таня. – У Ромы – любовница, у Эллы – любовник, а у Ники – ночные клубы.

– Лидуся, где ты брала семгу? – Кира повела носом и насторожилась.

– В супермаркете.

– Я так и знала! Я же говорила тебе, что рыбу надо брать только в «Океане». И только в четверг! Я, девочки, не интересуюсь личной жизнью старших Гориных, – без перехода заявила Кира и с недоверием пожевала кусочек семги. – Но меня тревожит Ника. У нее столько пропусков!

– Мам, тебя это волнует? – пожала плечами Лидуся. – Не бери в голову.

– Но ведь Роман платит такие деньги за ее обучение! А я вчера глянула в окно во время третьей пары, подъезжает крутая машина, иномарка, из нее выпархивает Никуша – и цок-цок в университет. Я посмотрела расписание – так и есть, пришла к концу занятий.

– Вам-то о чем переживать, Кира Георгиевна, – усмехнулась Таня. – Им нужен диплом, они его получают.

– Но ведь Рома сказал: присматривайте тут, Кира Георгиевна, за моей Никушей. Он потом с меня спросит. И вообще, я не согласна с тем, как они ее воспитывают. Зачем машину такой молоденькой подарили? Зачем так много позволяют?

– Поздно воспитывать, – подала голос Лидуся. – Воспитали уж и тебя не спросили.

– Как это не спросили? Спросили, – не уступала Кира. – Пока Ника маленькая была, сколько я с ней дополнительно занималась? Они тогда к моим советам прислушивались.

– Вот благодаря твоим стараниям она школу и закончила. Надеются, что и в институте проблем не будет, опять же благодаря тебе, – сказала Лидуся, поливая рыбу маслом. – А ты им сейчас настроение испортишь. В конце концов – кто они тебе? Ника – не внучка. Рома – не сын. Всего лишь ученик.

– Любимый ученик, – напомнила Таня.

– Учеников, как и детей, не делю на любимых и нелюбимых, – произнесла Кира. – Кто прибил под крыло, тех и пригрела.

– Это уж точно! – подхватила Таня. – Сама с детства под вашим крылом греюсь, теперь вот и Ксюха туда же.

– Что еще старухе надо? – притворно вздохнула Кира.

Конечно же, мама Лидуся и тетя Таня дружно возмутились – старуха? Какая уж тут старуха, если в курсе всех дел, если и маникюр, и причесочка, все честь по чести...

– И к счастью – голова ясная, – согласилась Кира. – В моем возрасте это важнее всего. Нынешних студентов в кулаке надо держать. Наглые и шустрые. Историю за предмет не считают.

– Ты бы на сегодняшних школьников посмотрела, мам, – вставила Лидуся. Мама работает завучем в том самом лицее, где совсем недавно работала и я. Она не знает своего счастья и только приблизительно представляет, что такое дети интерната...

Когда обсудили отсутствующих Гориных, с прогулки вернулись Лена с Киришей.

Лена – моя тетка, младшая мамина сестра. Ей 35 лет, и она одна воспитывает сына, инвалида Киришу. Они принесли первый Киришин букет – ее любимые гвоздики.

– Поздравляю тебя, бабуля... – стесняясь, как пятилетний ребенок, протяжно, чуть нараспев произнес Кирюша и протянул букет.

– Мамулечка, поздравляем тебя, – мягко и тоже чуть нараспев подхватила Лена.

Все мы немного похожи друг на друга – мама Лидуся, Лена и я. У нас в речи напрочь отсутствуют резкость и категоричность Киры. Но есть у нас троих и явные отличия, но на них останавливаться не стану, пусть лучше будет как в детской игре «Найди пять отличий».

Кира принимала первые поздравления, обнимала пятнадцатилетнего верзилу-внука, который никогда не станет взрослым. Конечно же, у нее кольнуло где-то в глубине – растет, а взрослым не становится. Вечный ребенок. Читать-читать научился, и то ладно. Леночку жалко – кто возьмет с таким довеском? И от этого еще больше она начинала любить их обоих – Кирюшу и Лену.

– Твой новый мужчина нас сегодня посетит? – загадочным голосом спросила она свою младшую дочь.

– Ну, не знаю, – отмахнулась Лена. – Громко сказано, мам, – новый мужчина. Так, знакомый.

– А где ты с ним познакомилась? – прокричала из кухни Таня.

– В библиотеке, где еще, – пожала плечами Лена.

Она работает в библиотеке, поэтому все мужчины, которые за ней ухаживают, как правило, умные, бедные и порядочные. По мнению Киры – исключая бывшего мужа Лены, отца Кирюши. На взгляд моей бабушки, Слава обладал только вторым из трех перечисленных качеств. Что, впрочем, спорно.

Горины опередили нас – когда мы приехали, во дворе уже заняла все пространство их сияющая вишневая «мицубиси». Вадик отпустил водителя, и мы открыли калитку... О! Моя дочь увидела елку, увешанную игрушками, деда с лопатой, качели... Она подлетела к дереву и развела руки широко. Это означало – вставайте в хоровод. Нам с ней не нужен язык слов. Я отлично понимаю ее жесты, но делаю вид, что не понимаю. Она злится, но упорно не хочет говорить. У нее недоразвиты мышцы языка, но ведь мы их развиваем, развиваем...

В Иришкин хоровод встали мы с Ксюшкой, папа и Кирюша. Мы все пели, а Иришка шла открыв рот. Она выглядела довольной. И только после хоровода, качелей и снежков мы большой гурьбой ввалились в дом, где Ксюшку заставили демонстрировать новую шубу. Чернов сидел в кресле и снисходительно выслушивал охи и ахи.

– Дай-ка примерить, – попросила Таня, а Роман Горин с женой по очереди подошли и придирчиво проделали тест на качество.

– Где брали? – буркнул Рома.

– В «Снежинке», – невозмутимо соврал Вадик.

– Туфта, – вынес приговор Рома. Элла же ничего не говорила, но хитро шурилась и улыбалась.

– Кого вы слушаете?! Да у вас брали. В «Мехах»! – раскололась Ксюшка.

И все засмеялись над Ромой и ожидали, как он выпутается.

– Качество сразу видно, – улыбнулся он. – А вы шуток не понимаете...

– Вадик, у тебя новый водитель? – поинтересовалась Элла.

Вадик кивнул. Тема ему была не очень приятна. Когда еще мы ехали, я заметила, что Чернов злится на нового водителя и чувствует себя не в своей тарелке. После услужливого молчаливого кавказца Айка новый, Сережа, казался неотесанным и болтливым.

– Айк нас бросил, – вздохнула Ксюшка. – Собрался куда-то в Канаду насовсем.

– Незаменимых нет, – буркнул Вадик. Разговор ему явно был неприятен.

Кира пригласила гостей к столу, ибо не любила, когда внимание утекает не по адресу. Начались поздравления, Рома Чернов пожелал Кире вечно оставаться столь же бодрой и свежей.

– Я – черствая булка, – сказала на это именинница. – Черствая, но пока еще съедобная.

Все посмеялись, выпили, со всех сторон на Киру посыпались комплименты. А я ковыряла салат и думала об Игоре. Как он сейчас сидит перед своим компьютером и радуется, что не поехал с нами. И ему не надо пить водку и общаться с Гориными и Черновыми. С Ромой и Вадиком у Игоря действительно мало общего. Но ведь всегда можно найти общие темы даже со случайными знакомыми.

То, что я вспоминала мужа, не мешало мне краем глаза наблюдать за дочкой. Я привыкла всегда держать ее в поле зрения, это получалось само собой. Она сначала сидела рядом с Кирюшей, затем сползла под стол и вылезла рядом с именинницей. Кира о чем-то спорила с Ромой. Все уже выпили и стали разговорчивыми, в комнате стоял ровный гул. Иришка стояла рядом с бабушкой и во все глаза смотрела на нее. Причем не так, как это делает обычный четырехлетний ребенок, а так, как умеет смотреть только она – словно прожигая глазами. Ее глаза кричали: посмотри на меня!

Она хотела о чем-то спросить. Я замерла, как всегда со мной бывало в таких случаях. А вдруг?

Но Кира спорила о политике, и я знала, что она не заметит упорного взгляда внучки. Иринка потрогала бабушку за руку. Не так, как делают, когда просят послушать, а так, когда хотят полюбопытствовать, из чего состоит рука. Я пыталась проникнуть в логику дочери. Она хочет сравнить руки? Чем рука старого человека отличается от руки молодого?

Я злилась на Киру. По-настоящему злилась, ибо считала в тот момент, что ничего не может быть важнее для нее, чем вопросы внучки. Какая политика, какой Рома Горин, если рядом существо, которое развивается иначе, чем другие, требует твоего внимания именно сейчас?

Я подавляла, как могла, свои вопли и свои обиды, поскольку все же не лишена здравого смысла и понимаю, что мой мир вращается вокруг Иришки, а другие имеют право на свои оси вращения. Но – Кира, Кира...

– При коммунистах по крайней мере не было такого разгильдяйства в вузах, – категорично заявила моя бабушка и тряхнула головой. – И кстати, образование было бесплатным.

Кира имеет привычку, отстаивая свою точку зрения, поглаживать поверхность стола. Она словно втирает туда свое мнение. Думаю, что она так делает, читая лекции студентам. Сейчас ее рука именно так поглаживала скатерть.

Иришка вдруг резво наклонилась и... впилась зубами в Кирину руку пониже локтя.

Это оказалось неожиданным даже для меня, а я ведь зорко наблюдала за ней. А уж для бабушки...

Кира вскрикнула, схватилась за руку. Все, естественно, обернулись.

– Ах ты, негодница! – вскричала Кира. – Вот так поздравила бабулю!

Иришка оставалась на своем месте. А любопытный Кирюша уже заглянул за бабушкино плечо и громко объявил:

– Ира бабулю укусила.

Произошло некоторое движение: Лена подхватила озадаченную Иришку, стала кружить ее и отвлекать, Таня побежала за йодом, Черновы и Горины изо всех сил старались показать, что ничего не произошло.

А мне хотелось объяснить им всем происшедшее, напомнить, что пять минут назад Кира объявила себя черствой булкой. И девочка всего лишь решила проверить, так ли это на самом деле. Мне хотелось всем сказать: «Моя дочь абсолютно нормальная. Она только не говорит пока!»

Мне хотелось кричать, но я сидела как изваяние и не могла пошевелиться.

– Ты что так побледнела, Светланка? – спросил папа. От его участия во мне включились какие-то токи, я поднялась и ушла на кухню. Меня тут же догнала мама. Она держала в руках чистое вафельное полотенце.

– Свет, надо показать Иришку психиатру, – сказала она, открывая кран. – Ты замечаешь, у нее словно недостает душевности. Иногда такая внезапная жестокость...

Я стояла к маме спиной, она не могла видеть моего лица. Иначе она не стала бы выдвигать сейчас такие предположения.

– Моя дочь не нуждается в помощи психиатра, – тихо возразила я. – Присутствующие здесь взрослые в нем нуждаются больше, чем она.

Мама покачала головой, но спорить не стала. Она почувствовала мое напряжение.

Я не могла вернуться сейчас в гостиную. В этот миг я ненавидела их всех. Мне хотелось схватить Иришку и исчезнуть, но в кухню уже wpłyвала Элла Горина.

– Погадаем? – промурлыкала она.

Я совсем забыла, что идет святочная неделя и в нашем доме принято гадать. Вот и нашелся предлог хотя бы на время исчезнуть из гостиной.

Наверху, в комнате Киры, было почти светло от луны. Ксюха притащила блюдо с водой и пошла искать свечи.

– Не надо так переживать. – Элла обняла меня. – Если бы ты знала, сколько хлопот доставляла нам Ника! Помнишь, какая она была непоседа?

Конечно же, я помню, какой была в детстве Ника Горина. Когда они приезжали к нам, она подбивала меня гулять по крышам. Однажды я даже согласилась на ее авантюру. Я, кажется, уже училась в институте, а ей было лет девять-десять. Мы залезли на чердак новой девятиэтажки и оттуда выбрались на крышу. Жуть! Я до сих пор удивляюсь, как нас не сдуло оттуда ветром. Элла, пожалуй, не в курсе, как забавлялась Ника в подростковом возрасте. От меня у той секретов не было. Ника в красках описывала, как они с подружками забирались по пожарной лестнице на крышу местного Дома молодежи. После дискотек и субботних вечеринок там оставалось полно пустых бутылок. Так вот, девочки били эти бутылки. Стекло звенело, рассыпалось, образуя горы осколков. Крыша Дома молодежи становилась мечтой йогов. Нике доставляли удовольствие такие нестандартные развлечения.

Правда, я совсем не помню, какой была Ника, когда ей было четыре, как сейчас Иришке. В то время я, вероятно, слишком была занята своими собственными переживаниями.

– Девочки! Знакомый Лены явился, – заявила Ксюшка. – С цветами...

Пришлось спуститься. Знакомого звали Женей, и на вид ему было около сорока. Это был человек из толпы. На таких не задерживается взгляд. Но после первых же нескольких общих фраз, произнесенных Женей, стало ясно, что если бы Игорь не заупрямился и приехал с нами на юбилей, ему было бы с кем пообщаться. Он бы общался с Женей, ибо они – одного поля ягоды. Такие вещи обычно как-то сразу чувствуешь.

– Женечка мой! – повис на нем Кирюша и сразу заканючил: – Фейерверк будем делать?

Женя ответил, что фейерверк будет позже, когда основная часть юбилея закончится. Достал из кармана цветные календарики и разделил между детьми.

Настроение мое потихоньку выравнивалось. Таня подготовила поэтический монтаж, который мы должны были прочесть по бумажкам. Женя любезно согласился участвовать. У Тани и костюмы были готовы – мы нарядились в детсадовских детей, взяли в руки шарики, и началось... Юбилей закрутился, одно перетекало в другое, и никому не было скучно. Танцевали, потом папа принес гитару, и Горин играл, а мама и Элла пели романсы.

Кирюша все канючил:

– Когда фейерверки, когда фейерверки?

И вдруг мы вспомнили про гадание и убежали наверх. Зажгли свечу. Вода в миске поблескивала таинственно.

– Кто первый? – шепотом спросила Ксюшка.

– Пусть Лена. Она не замужем.

– А твой Женя... женат? – поинтересовалась Элла. – Симпатичный мужчина.

– Конечно, женат, – вздохнула Лена. – Наверняка женат. Я, честно говоря, не успела поинтересоваться.

– А вы обратили внимание, как он с Кирюшей быстро нашел контакт?

– И с Иришкой.

– Дети чувствуют человека.

Лена зажмурилась и стала очень похожа на мою маму. Она обдумывала свой вопрос.

Лена растопила воск и вылила в воду. Он тут же рассыпался на мелкие капли.

– Ерундовина какая-то. На что похоже?

– Ну... яблоки, – предположила Ксюшка.

– Яблоко – символ греха, – вспомнила я.

– Точно. До чего же ты, Светланка, умная, – протянула Элла. – Тебя хоть в школе ценят?

– Ни слова о работе! – вскричала Лена. Она знала, что эта мозоль у меня болит.

– Загадала?

Все мои мысли, все мечты были связаны с Иришкой. Я и загадала – о ней.

Воск принял непонятную лохматую форму. Собака?

Пальцами я вытащила из воды то, что получилось, подняла к свету. Воск оставался теплым, податливым, готовым у меня в пальцах принять любую форму.

– Какая-то игрушка.

Дверь приоткрылась, полоска света разрежала комнату надвое.

– Что за тайное общество?

– Ника!

Вспыхнул свет, и в комнату ворвалась Ника Горина. Если сравнивать Нику с явлениями природы, то это ураган. Торнадо. Не помню, видела ли я ее когда-нибудь с книжкой на диване или в кресле перед телевизором.

– Мамсик? И ты здесь? – Ника расхохоталась. – Все гадаешь на женихов! Жесть!

– Нос проколола! – ужаснулась Лена.

– А это там внизу твой новый дядечка? – подмигнула Лене. – Мент?

– Почему – мент? – не поняли мы.

– На нем написано, – отмахнулась Ника.

– Кажется, он охранником работает, – пожала плечами Лена.

– Значит, бывший мент.

Я всегда удивлялась ее способности с первого взгляда распознавать людей.

– Ты поздравила Киру Георгиевну? – поинтересовалась Элла. – Поедешь с нами?

Ника сначала кивнула, затем отрицательно покрутила головой. В порядке очередности вопросов.

– Время детское, мам. Мы в клуб, меня не ждите.

– Ты за рулем?

– Ну да...

Ника уже, пританцовывая, двигалась спиной к двери, на ходу раздавая нам воздушные поцелуи. Танцевали одновременно все ее части тела – длинные стройные ножки, гибкие изящные руки в браслетах с тонкими, унизанными кольцами пальчиками, милая головка с новым жгуче-черным цветом волос, узкие, почти мальчишковые, бедра и маленькая грудь.

«Танцуй, пока молодой...» – хотелось пропеть ей вслед, но она не нуждалась ни в нашем одобрении, ни в нашем осуждении. Она жила какой-то своей, недоступной и непонятной для нас жизнью.

– А ну-ка дыхни! – приказала Элла, на что Ника изящно изогнулась в нашу сторону и дунула на нас. Ее дыхание – смесь восточных благовоний и свежего ветра. От нее не пахло вином. Но я одна, пожалуй, поймала при этом ее взгляд. Это был взгляд взрослого человека, разговаривающего с детьми. Взгляд человека себе на уме.

Элла вышла вслед за дочерью. Ксюшка выключила свет.

– Теперь моя очередь.

Я решила спуститься и проверить Иришку. Иногда я начинала чувствовать, как она скучает без меня. На этот раз интуиция меня подвела – Иришка сидела рядом с Женей и разглядывала цветные картинки. Она даже не взглянула в мою сторону. В гостиной играли в «Золотого дурака».

– Светуль, включи самовар, – попросила мама.

На кухне Рома Горин разговаривал по телефону. Такой разговор Игорь называет «сюси-пуси».

– И я тоже, – приглушенно ворковал Рома. – Ну а я-то... Ну, не обещаю. Сейчас? Какая ты... Ну-ну. Ну попробую...

Я включила самовар, и тот с ходу начал свою песню.

Рома оглянулся и увидел меня. На его лице сохранялось все то же блаженно-пьяное выражение, с которым он разговаривал по телефону.

– Светик, – кивнул он, – не надумала бросить свою школу и устроиться ко мне в магазин? Я расширяться буду.

Я пожала плечами:

– Игорь говорит, нельзя работать у друзей: или дружить, или работать.

– И это правильно! – улыбнулся Рома. Глаза его были полны масла. Я не видела его любовницу, но Ксюшка говорит, что она ровесница Ники. – Но и нельзя жить так, как вы живете, – с мягкой улыбкой возразил он.

Я почему-то не ушла, когда он начал развивать эту тему. Вот Игорь умеет как-то сразу обрывать тех, кто учит жизни, а мне воспитание не позволяет.

– Пусть тогда муж зарабатывает, котенок. Толкай его. Я ему тысячу раз предлагал экспедитором ко мне. Чернов предлагал ему начальником охраны. Выбор за ним. Инженерами работают теперь только динозавры.

– Значит, мы – динозавры.

Рома снова посмотрел на меня масляными глазами. Он наверняка обдумывал, как улизнуть отсюда, под каким предлогом.

– Светка, если надумаешь, обращайся без вопросов. Мои продавщицы зарабатывают как минимум в два раза больше, чем учителя.

– Какой я продавец? – пожала я плечами. – Я – училка.

– Да отличный получится продавец! Во-первых, у тебя язык подвешен, укалякаешь любого. Во-вторых, голос приятный. Ну и, что немаловажно, внешние данные хорошие.

– Спасибо, Рома, я подумаю.

– Ну, думай, думай. Время терпит. Игорю привет.

Рома вернулся в гостиную, и я слышала, как он прощается, ссылаясь на срочные дела.

– От нашей семьи остается представитель в лице Элочки.

Он обволакивал всех взглядом, полным любви. Я заметила – пьяный человек или всех любит, или всех ненавидит. Одно из двух. Без середины.

Когда Рома ушел, неприятный привкус разговора с ним догнал меня, и я начала злиться на своего мужа. Ну действительно, почему мы так живем? Мы одни из нашей большой компании ездим на старой машине, доставшейся нам от родителей Игоря. «Шестерка» считается белой, хотя после ремонта одна дверца серая – до покраски дело не дошло.

Мы одни живем в Простоквашке, в хрущобе, которая нам досталась от Игоревой бабушки. Всегда тянем от зарплаты до зарплаты. Сначала платили кредит за компьютер, затем – за мягкую мебель. А одежда? А обувь? А непредвиденные расходы? Я постоянно думаю о деньгах. А так хочется не думать о них совсем...

Я расставила чашки сервиза и принялась разливать чай.

Лена и Ксюшка спускались вниз, и обе шурились после темноты.

– А где Кирюша? – первым делом поинтересовалась моя тетка.

Все, кто находился в гостиной, уставились на нее.

– Мы думали, он с вами, – ответила мама, – наверху.

– Здрасьте! – всплеснула руками Лена. – А мы были уверены, что он с вами внизу!

– Кирю-юша! – протяжно прокричала Кира.

Папа отправился по комнатам искать племянника.

Элла вышла на кухню и стала кому-то звонить:

– Можешь приехать прямо сейчас, солнце мое... Это рядом с площадью. Да, выхожу...

Она была более сдержанна в разговоре, чем ее муж, но все же это были те же «сюси-пуси».

– Все, убегаю, – окинула она меня рассеянным взглядом. Вместо масла в ее глазах стоял сиреневый туман.

– А чай?

– Чай с пирогом? Боже упаси! Диета, диета...

Она проплыла в гостиную, расцеловалась с Кирой, просочилась меж гостей и растворилась в прихожей.

Как только закрылась дверь за Эллой, пронзительно затрезвонил раритетный телефон времен товарища Хрущева. Трубку взяла Таня. По ее эмоциональному лицу без труда читалось – произошло нечто невероятное. Положив трубку, она с минуту тупо смотрела на всех нас. Затем виновато произнесла:

– Звонили из травмпункта. Кирюша у них.

– Что он там делает? – спросила Кира.

– Он... кажется, его сильно избили на улице. Но переломов вроде бы нет...

– Кто? Когда? – крикнула Лена. Я даже не подозревала, что она способна так кричать. – Почему он оказался на улице?!

Она металась из гостиной в прихожую и обратно, срывая с вешалки чужую одежду, не в силах найти свою.

– Я поеду с тобой, – сказала я и вытащила из кучи обуви наши сапоги.

– Я с вами, – вызвался Женя. – Нужно заявить в милицию.

– Их нашли уже, – пискнула Таня, которая до сих пор прижимала раритетную трубку к своему животу. – Поймали.

– Кого?

– Тех двоих парней, что Кирюшу побили. Сказали, чтобы вы сначала в милицию заехали насчет заявления, а потом в травмпункт. Это по пути.

– Я с вами, – решила мама, но Кира ее остановила:

– Пусть с девочками едет Женя, а машину поведет Коля – он самый трезвый. И останется место для Кирюши.

У Кире такой тон, что ее невозможно послушаться. Папа пошел за машиной.

Через минуту мы уже ехали темными улицами к отделению милиции. Лену трясло, я держала ее ледяные ладони в своих.

В дежурке отделения милиции мы увидели двух хорошо одетых парней не старше Кирюши. Только они были, что называется, нормальными. Мне почему-то бросился в глаза объемный вязаный шарф на одном из них. Больше никаких деталей я не запомнила, поскольку дальнейшее действие стало разворачиваться столь стремительно, что стало не до деталей. Лена

ураганом пролетела мимо меня и с лету, ни слова не говоря, набросилась на хулиганов. От звона раздаваемых пощечин душный воздух в дежурке завибрировал.

– Ты чё, тетя, оборзела? – сказал тот, что в шарфе. Но уже в следующую секунду он слетел со стула – Женя, который вошел в помещение следом за нами, вмазал ему по физиономии.

Второй парень поспешно закрылся руками, и в это время появился дежурный:

– Что тут за самосуд?

Но, увидев Женю, дежурный воскликнул:

– Какие люди! Евгений Викторыч! Какими судьбами?

– Да вот пришлось... – По его скулам гуляли желваки.

– Хулиганы достают?

– Отморозки! – тяжело дыша, проговорил Женя. – Вдвоем на одного! Больного!

Лицо у него побагровело. Я впервые видела, чтобы человек так реагировал на событие, не касающееся его лично. Тем более что Ника оказалась права и Женя действительно бывший мент. Мне казалось, что эта профессия накладывает на людей налет некоторого равнодушия, что ли? Привычки сталкиваться с преступлением. Поэтому реакция Жени меня так удивила.

– Вы об этом сильно пожалеете, – сказал тот, что в шарфе. Приятель помог ему подняться. Пострадавший держался за нос, всячески изображая серьезность своей травмы.

– Да у него кровь! – взвизгнул приятель и оглянулся на дежурного.

– Удивительно, – скривился Женя, – я всегда считал, что у таких отморозков нет ни сердца, ни крови.

– Пожалеете. Пожалеете, – приговаривал подросток, потирая свой нос.

– А ты там не умничай, – посоветовал дежурный. – С отцом будешь умничать, когда он за тобой приедет.

– За мной дядя приедет, – с какой-то особой интонацией ответил тот.

После заполнения необходимых бумаг мы уехали в травмпункт, где нас ждал Кирюша.

Он сидел на кушетке с видом обиженного ребенка. Надутый, сердитый и беспокойный. Лена подлетела к нему, стала трогать, осматривать и обнимать. Лицо у Кирюши было разбито, губа в крови.

Женя разговаривал с дежурной медсестрой.

– Переломов вроде бы нет, в основном ушибы мягких тканей, – сказала она. – А вот насчет сотрясения вам в больнице скажут. Надо понаблюдать.

– Не пойду в больницу, – заявил Кирюша.

Он говорит басом, но выражение лица при этом и повадки остаются совершенно детскими. На первый взгляд Кирюша ничем не отличается от сверстников – такой же долговязый, нескладный, как большинство подростков. Разве что слишком сутулится и прячет глаза от чужих. А интересы у него детские.

Он в тот вечер достал всех своим фейерверком, но взрослым было не до него. Мы обычно запускаем фейерверк ночью, часов в одиннадцать, когда разъезжаются гости. Но Кирюше стало скучно, и он решил купить хотя бы петарды в ближайшем киоске, чтобы устроить стрельбу во дворе нашего дома и напугать гостей. Но до ларька не дошел, его заметили те самые двое подростков. Они спросили закурить, Кирюша их послал, это он умеет. Ну, тут они его и отколошматили.

– Они меня ногами пинали, – вытягивая губы и шмыгая носом, доложил Кирюша. – Они злые придурки.

– Кирюша, надо в больницу! – в один голос воскликнули мы трое.

– Не поеду!

Мы по очереди уговаривали его, суля поход в аквапарк, злополучный фейерверк и много такого, что могло соблазнить его непростую натуру. Пришел папа и присоединился к нам.

Кирюша уперся.

Женя с папой вышли на крыльцо покурить.

– Мамашки, вы уж решайте, – встряла медсестра. – Чтобы к нам потом никаких претензий.

– А вы-то при чем? – огрызнулась Лена. Она выглядела взвинченной и усталой. Ей в таком состоянии лучше ничего не советовать, и я молчала.

– Как это – при чем? А если ему дома плохо станет? Вы потом меня и обвините.

– Сказал, не поеду в больницу! – повторил Кирюша и обиженно махнул рукой на медсестру, как это делают маленькие дети. – Домой хочу! К бабуле Кире!

– Домой! – решительно поднялась Лена.

– Так вы что же, в больницу не поедете? – уточнила медсестра.

– Не поедем, – ответила Лена.

– Ну, воля ваша.

Медсестра взяла выписку, которую только что заполняла, и разорвала на мелкие кусочки.

– Что вы сделали? – не поняла я.

– Я сняла с себя ответственность, – любезно ответила она. – Ваш ребенок – ваше право. Я вас предупредила.

Мы вышли на крыльцо, и первое, что предстало нашим глазам, – отъезжающая от крыльца милицейская машина. Папа стоял как изваяние, в застывшей руке дотлевала сигарета.

– А где Женя? – спросили мы.

– Ничего я не понял. – Папа пожал плечами. – Подъехала милиция, Женю попросили проехать с ними. Надели наручники, запихнули в машину и увезли.

– Так, все! – занервничала Лена. – Домой!

Напрасно она надеялась, что крыша нашего дома – теплого, старого и надежного – принесет долгожданный покой.

Едва мы переступили порог, мама сообщила:

– Звонил Женя из милиции. Его арестовали за то, что он парня побил. Он просит тебя, Лена, приехать к нему.

Лена опустила в кресло. И остальные расселись в гостиной – кто где. Все молчали, а Кирюша ел салат.

– Свои же менты сдали! – поразился папа. – Видимо, эти отморозки оказались чьими-то сынками.

Иришка уже спала наверху, и мне ужасно хотелось подняться к ней и вытянуться рядом.

– Кирюша должен лечь в больницу, – наконец прозвучал голос Кире.

– Я не хочу! – с набитым ртом проговорил Кирюша. Но Кира только подняла ладонь, и он замолчал.

– Сейчас у нас нет никаких свидетельств о том, что он пострадал. А вот обидчик, похоже, времени не теряет. Сейчас он ляжет в больницу и окажется единственным пострадавшим.

– Не единственным, – напомнила я. – Еще – Женя.

– Ну да. Женя окажется крайним, – согласилась Кира.

Кирюша продолжал канючить, но уже не так уверенно.

– Дорогой, – обняла его Лена, – ну скажи, что ты хочешь, чтобы мы тебе подарили? В обмен на то, что ты ляжешь в больницу?

Кирюша задумался. Все замерли, ожидая.

– «Жиллетт» – лучше для мужчины нет, – наконец заявил он.

– Купим, – кивнула Кира. – Лидуся, собери его. Да напоите Лену чаем!

Остаток ночи ушел на то, чтобы устроить в больницу Кирюшу и обсудить случившееся. Надо было выручать Женю. Пришли к выводу, что самым внушительным и представительным из нашей компании является Рома Горин. С утра Кира принялась названивать ему.

Рома явился ближе к обеду и с порога заявил:

– Дело – швах.

Он уселся в кресле, мы все столпились вокруг него.

– Один из этих молокососов, тот, которого Женя справедливо поучил жизни, оказался родным племянником начальника ГИБДД.

– При чем здесь ГИБДД? – не поняла тетя Таня.

– ГИБДД, дорогая моя Татьяна Викторовна, при всем, – хмыкнул Рома. – Выше начальника ГИБДД не прыгнешь. Портить отношения с этим дядей даже мэр не станет.

– Влип Женя, – сказал папа. Впрочем, это уже все поняли.

– Прекрасно! – патетично воскликнула Кира. – Был этот соплик преступником, стал пострадавшим. Зачем вообще Женя потащился с вами в милицию?

– Мам, ты же сама его отправила! – воскликнула моя мама, и была права.

– Что же теперь будет? – спросила я.

– Что будет? – Рома живо обернулся. – Женю будут держать до тех пор, пока Лена не заберет свое заявление.

– Обидчик моего внука должен быть наказан! – заявила Кира. Все посмотрели на Лену. Все-таки Женя считался ее новым мужчиной, и он всем понравился.

– Я буду добиваться справедливости, – заявила моя тетя.

– Молодец, – подытожила Кира.

Глава 2

Каждый понедельник я захожу в интернат с замиранием сердца: что-то ждет меня после выходных?

Едва я попала в длинный коридор этажа начальных классов, от пестрой массы детей отделилась рыжая точка и устремилась в мою сторону.

Карина Грошева бежала, как умеет бежать только она, словно ей на старте свистком была дана команда «марш!», а на финише ждет заветный приз. При этом в затылок дышат сильные, тренированные соперники.

Призом являюсь я. Соперники Карины – весь мой 2-й «Б», который толпился у дверей класса, ожидая меня.

Девчонка – рыжая, маленькая, стремительная, как пуля, – ударила головой о мой живот. Я и охнуть не успела, как она обхватила меня цепкими ручками. Сжала, как прищепка.

– Светланочка Николаевна! – выдохнула она и прижалась к моему животу щекой и ухом.

– Здравствуй, Карина, – спокойно сказала я и провела легонько по ее волосам. – Как прошли выходные?

Пока мы шли по коридору, она крепко держала меня за талию и заглядывала в глаза. Ее взгляд умоляющий. Я бы даже сказала – он выражал муку. Она словно не слышала вопроса, но я знаю, что это не так.

– Вы такая красивая с-сегодня, – с умилением промолвила она. – У вас новый к-костюмчик...

Я поймала на себе хмурый и насмешливый взгляд Паши Скворцова. Хотелось бы отцепить от себя Карину, но это не так просто.

Девочка немного заикается. Когда начинает спешить или волнуется, это особенно заметно. Заикание сильно осложняет ей жизнь. Мальчишки обожают ее передразнивать.

Едва мы зашли в класс, Карина начала захлеб отвечать на мой вопрос:

– Без вас было так с-сучно, Светлана Николаевна! В субботу была уборка, потом б-баня. На ужин давали п-п-печенье. Вечером смотрели с-с-сериал, а Кузьмичева из восьмого класса подралась с Г-г-гусевой. А вы уже знаете, что Гусева б-бе-бе-ременна?

Я еще раз тщетно попыталась отцепить от себя Карину и ответить на приветствия остальных детей. Мальчишки старались привлечь мое внимание потасовками между собой, новыми трюками и всякими глупостями. А девочки стремились до меня дотронуться, а если повезет – занять место Карины. Но это было нелегко. Грошева смотрела мне в глаза нежным, преданным взглядом, а сама потихоньку отодвигала конкуренток свободной рукой и даже ногой. Но дети теснили ее. Я же всегда стараюсь уделить внимание каждому – до того как прозвенит звонок.

Я провела по стриженной голове Вовы Ширяева, другой рукой обняла Таню Репину, попутно задала вопросы:

– Катя, ты читала? Проверим сегодня. Коля, покажи руки. Молодец, сделал, что я просила. Что, Юлечка, ты мне хочешь показать?

Они все еще толпились возле меня, потихоньку толкали и щипали друг друга, когда Юля Зуйко, проходящая, домашняя девочка, достала из своего портфеля и торжественно понесла мне свое достижение – собственноручно связанный шарф.

– Сама связала? – изумленно ахнула я. Мне действительно в диковинку такое. Сама я ни вязать, ни шить не умею.

Интернатские девочки ревниво затихли. Карина все еще держала меня за талию.

– Бабушка только показала. Это легко. – Юлино личико дружелюбно и доверчиво. У нее карие глаза, что роднит ее для меня с моей Иришкой. Мне очень симпатична Юля. – Тут нетрудно. Лицевая, изнаночная, лицевая, изнаночная.

– Молодец! – похвалила я. – У меня никогда не хватало усидчивости самой связать что-нибудь.

– Я вам к Восьмому марта обязательно свяжу такой же! – заявила Юля, и я ничего не успела ответить.

– Врешь ты все! – крикнула Карина, и лицо ее стало красным, веснушки потемнели. – Это твоя б-б-бабушка вязала, а не ты!

– Нет, я! – попыталась защититься Юля. – Я показать могу!

Карина оторвалась от меня, схватила шарф и швырнула в Юлю.

– Бешеная! – возмущенно воскликнула Юля, поднимая шарф.

Образумить Грошеву мне не удалось, она уже не видела меня. Она вцепилась в Юлю как клещ. В глазах – ярость, даже ненависть.

Юля завизжала. Ширяев и Скворцов бросились к дерущимся, но они мне только мешали. Я прыгала вокруг детей и кудахтала, как клушка.

– Карина! – крикнула я. – Прекрати сейчас же!

– Мама! – отчаянно завопила Юля, закрывая расцарапанное лицо.

Мальчикам удалось схватить Карину и даже оттащить ее от жертвы, но и им досталось. Грошева вертелась волчком, при этом шустро орудовала кулаками и локтями. Она была куда попало. В такие минуты мне кажется, что маленькая Грошева обладает силой взрослого мужчины. Но это всего лишь поведение затравленного зверька. Она кусает, царапает и пинает одновременно.

– Девочки, зовите медсестру, – приказала я, и Таня Репина сорвалась с места. За ней устремилась Катя.

– Ширяев! Скворцов! – выкрикнула я. – Да отойдите же вы оба!

Ширяев разозлился и от этого начал браниться:

– Дура! Шалава! Шлюха! П...да!

Весь запас своего мата Вова охотно вывалил на Карину. Мой невнушительный голос утонул в криках 2-го «Б».

Красная, растрепанная, с перекошенным лицом, Карина вдруг бросила в лицо горько ревушей Юльке:

– Зови, зови свою мать! Не н-нужна ты ей! Твоя мать – б...ь!

Юлины глаза на миг распахнулись, и в следующее мгновение плач перешел в рыдания.

На пороге выросла школьная медсестра Зинаида Карповна – и вовремя. Грошева уже лежала на полу, задыхаясь от рыданий, и билась головой об пол, сучила ногами.

– Ну-ну, моя милая, – приговаривала Зинаида Карповна, решительно направляясь в сторону Карины. Истерика внезапно прекратилась. Грошева сдулась, как проколотый шарик. Зинаида Карповна легко подняла девочку и понесла на руках, прижимая к груди, как трехлетнего ребенка. Грошева на руках медсестры – обмякшая и бессильная, как тряпичная кукла.

Еще минут десять от урока ушло на то, чтобы успокоить рыдающую Юльку. Чистенькая, ухоженная, ласковая Юлька вздрагивала всем телом, икая от слез. От нее пахло мылом и корицей.

Я погладила ее по спине и пробормотала что-то утешительное. Мысли мои были о пропавшем уроке. Только бы на шум не явилась завуч. В интернате за глаза ее называли только по фамилии. Кондратьева – очень суровая женщина. Хотя я лично пока с ней не сталкивалась.

– Не слушай, Юля, что эта Грошева говорит про твою маму, – вклинилась Оля Ланочкина. – Она просто завидует, что у тебя бабуля есть. У самой-то Грошевой только мать, да и та к ней не приходит.

Кое-как мне удалось усадить перевозбужденный класс – девять мальчиков и восемь девочек, девятая – в медпункте. У нас – русский язык.

Я снова не укладывалась в план урока. Больше половины детей не усвоили материал предыдущей темы, и я, дав задание двоим, с остальными начала заново.

Двое – это Юля Зуйко и Саша Шадт. Оба они живут дома с бабушками. Эти дети приходящие, они обогреты и обласканы теплом своих бабушек. Иногда мне хочется сказать этим бабушкам: «Заберите отсюда детей! Отдайте их в нормальную школу! Пока не поздно!»

Но что я буду делать без этих детей и без этих бабушек?

К концу урока возвратилась Грошева – тихая, смиренная. Она не смотрела на меня.

– Садись, Карина, – разрешила я.

На математике новое ЧП – Ширяев расковырял бородавку.

– У меня кровь, – показал он, и сидящая рядом Оля Ланочкина побледнела.

– От бородавки бывает заражение крови, – компетентно заявил Скворцов. – Бородавка – как родинка.

У Ширяева задрожала губа. Снова у нас медсестра.

– Да я у вас скоро пропишусь, второй «Б»! – шутит она.

Мне не до шуток. Я вымотана двумя уроками напроць. Мне срочно необходимо человеческое участие.

После второго урока у меня окно, я отправилась искать Анжелу. Это наш школьный психолог, и еще она выполняет работу воспитателя. Мы близки по возрасту, и поэтому иногда чаевничаем вместе.

Увидев меня, Анжела включила электрический чайник и вытряхнула из сумки конфеты «Коровка».

Я взяла чашку – руки у меня тряслись.

– Не могу больше. Чувствую себя беспомощной с этими детьми. Они меня с ума сведут.

– Съешь конфетку, – улыбнулась Анжела. Слушая меня, она никогда не делает сочувствующего лица. Может быть, благодаря этому я выдерживаю здешнюю школьную жизнь.

– Ненавижу понедельники. В этот день мои дети неуправляемые. У них просто крышу сносит. Моя Грошева в этот день просто безумная.

– Понедельник – день тяжелый, – согласилась Анжела, наливая чаю.

– Может, дело в том, что они за выходные от дисциплины отвыкают?

– Мимо. – Анжела вынула пакетик с чаем и с видом факира закрутила нитку. – Сразу видно, что ты уроки ведешь, а по интернату дежуришь редко.

– Ну так раскрой мне секрет!

Анжелка любит обжигаяще горячий чай, я же пью, когда он немного остынет.

– По выходным они ждут своих матерей. К некоторым ведь приходят, навешают. Остальные тоже ждут хоть кого-то. Чуда ждут. Это мучительно для интернатских – выходные. Кто-то уходит в гости к родственникам, но большинству некуда идти.

– Ну, это я могу понять – взрослые не приходят, взрослые виноваты... Но моя Грошева кидается на детей. Иногда мне кажется, что она кого-нибудь покалечит! Прошлый раз она швырнула Репину о подоконник, та подбородок до крови разбила!

– Ну, Карина – особый случай. А взрослых она готова обожать, правда?

– Да. – Я удивлена. – Ты знаешь почему?

– Ты просто, Свет, не очень еще изучила своих учеников. А мне пришлось. У меня на них досье. Твою Грошеву родила мать-малолетка. Бедолаге пятнадцати не было, когда залетела. Вот и представь – подружки на танцы бегут, по женихам, а у нее орущее чадо в подоле.

– А бабушка?

– Бабушка такая же непутевая, как мать. Ты, говорит, родила, сама и расхлебывай. И вот мать-малолетка одна, с орущим кульком, который раздражает. Весело?

– Ну и?

Анжелка подлила себе еще чаю и взяла конфету.

– Мать твоей Грошевой лупила свою дочь с пеленок. Повод был не нужен, Карина виновата уже в том, что родилась. Знаешь, как она ее воспитывала? Она швыряла ее об стенку, таскала за волосы, привязывала к кровати. Девчонка готова была ползать перед ней на карачках, лишь бы заслужить одобрение, хоть один ласковый взгляд, хоть намек на улыбку. Но получала одни пинки. И это – от самого близкого и любимого человека. А чего ждать от остального мира?

Мой чай остыл, я забыла про него.

– Ненависть – это обычный язык общения, которому обучила мать. Теперь Карина борется за каждую каплю любви взрослого человека, зная, что дети заслуживают лишь ненависть.

Я слушала Анжелу, и меня слегка подташнивало.

– Откуда ты все это знаешь?

Я читала личные дела. Там лишь скупая строчка – мать лишена родительских прав. Там нет подробностей, это я знаю точно.

– Судья – моя знакомая. Она вела дело Грошевой. А иск подали соседи, которые все это наблюдали. Ты пей чай-то, остыл уже совсем.

В дверь заглянул Паша Скворцов.

– Ты почему не на физкультуре? – поинтересовалась я.

– У меня освобождение. Я к вам, мне нужно...

Скворцов покосился на Анжелу – при ней он говорить не станет. Психолог для детей что-то близкое слову «псих». Воспитатели пугают психологом.

Пришлось спуститься в свой класс.

– Что у тебя, Паша?

Скворцов достал из парты пакет и положил его передо мной. Вид у мальчика был хмурый и обиженный.

– Я это не надену.

– Что это?

В пакете лежали новые серые брюки с биркой. Я слышала, что в субботу интернатским выдавали одежду. Брюки как брюки.

– Мне таких не надо, – запыхтел Скворцов.

– Почему?

– Они велики. И вообще, такие никто не носит.

– Зато это бесплатно, – напомнила я. – Ты подходил к завхозу, чтобы обменять?

– Она сказала, что других нет.

– И ты принес мне...

Скворцов замолчал, я тоже. У меня внутри закипел протест. Анжела советует, перед тем как что-то сказать детям, в уме досчитать до десяти. Или выпить стакан воды. Я начала считать.

– Если бы я умела шить, Паша, я бы ушила их для тебя. Но я не умею.

Скворцов пожал плечами. Его мало волновали мои проблемы. Он требовал свое.

– Я такое не надену, – повторил он. – Всем дали нормальные, а мне какие-то уродские.

– Тогда отдай своей маме, и пусть она ушьет их для тебя. – Я понимаю, что использую запрещенный прием. Рядом со своими учениками я не чувствую себя взрослой и обижаюсь, как на равных. Ну в конце концов, почему он требует с меня, а не требует с матери? Это ее обязанность!

Возникла небольшая заминка, но Скворцов нашел оправдание:

– У нас нет швейной машинки.

– И что же ты предлагаешь? – недоумевала я.

– Я не знаю. Заберите. Мне не надо. – Он упрямо гнул свою линию.

– Мне – тоже! – возмутилась я.

Я знаю одно – с этими детьми нельзя раскисать. Нельзя показывать слабость, нельзя им потакать. Нужно тоже гнуть свою линию.

– Ты пойми, Паша, я – учительница. Я отвечаю за то, чтобы ты умел читать и писать. А также чтобы ты научился считать. Это тебе пригодится в жизни.

Мне хотелось сказать: «А одеждой должна заниматься твоя мама. Но твоя мама пьет. И я ее ни разу не видела. Она не была ни на одном родительском собрании. Она не хочет даже прийти и поинтересоваться, как учится ее сын-второклассник, что он ест и кто его товарищи...»

На слове «товарищи» я как раз дошла до десяти.

– А за одежду отвечает ваша воспитательница, – закончила я вслух.

Скворцов молча подошел к моему столу, стащил с него пакет со штанами и возвратился за парту. Он не смотрел на меня. Наверное, он меня в эту минуту ненавидел. Меня, а не свою непутевую мать.

– Ты читал дома?

Скворцов пожал плечами.

– Доставай книжку и читай вслух, – приказала я.

Я сидела, подперев голову кулаком, и слушала отрывок из «Детства Темы» в исполнении Скворцова. Читал он сносно.

Чувства мои менялись, как в калейдоскопе. Неплохой ведь мальчик... Неглупый, по-мужски упрямый. Наверняка рано начал ходить, говорить, все без проблем. Только его маме это все равно. Почему у таких бесшабашных мамаш рождаются умные, здоровые дети? Занимайся с ним, уделяй достаточно внимания, и он может быть отличником.

А между тем, как сказала черепаха Тортилла маленькому Буратино: «За твою жизнь я не дам и ломаного гроша...»

После четвертого урока – обед и самоподготовка. Мы делали домашнее задание. Ширяев вел себя по-хамски – вставал без спроса, выходил из класса, залезал под парту. Он жаждал моих замечаний, я не реагировала внешне, но нервы звенели от напряжения. День тянулся бесконечно, и я не верила, что он закончится.

После продленки я осталась проверять тетради и присматривать за дежурными. Дежурили Зуйко и Шадт. Я нарочно их ставлю вместе – оба домашние. С этими двумя я отдыхаю. Саша Шадт мыл доску, Юля Зуйко поливала цветы. В проверку тетрадей вклинился звонок Лены.

– Ты можешь себе такое представить? – возмущается она. – Их положили в одну палату!

– Кого?

– Кирюшу и этого Лешу Зимина, у которого дядя – начальник ГИБДД.

– Они что, издеваются? – Я даже подскочила.

Шадт и Зуйко бросили свои занятия и с интересом уставились на меня.

– Мы с Кирой уже ездили скандалить в больницу. Нас даже не пустили в отделение!

– Но чем они объясняют?

– Говорят, что в нейрохирургии всего две палаты и других мест нет.

Отчаяние моей тети вливалось в меня через телефон.

– Я с ума сойду, Свет, – пожаловалась она. – Что за дурдом?

«Я тоже», – захотелось сказать мне, но я воздержалась. Лене нужна поддержка.

– А с чем положили этого Лешу?

– Вроде как Женя его избил. Диагноз скрывают.

– Ты была у Жени? – вспомнила я.

– Нет. – Лена сделала паузу и продолжила: – К Жене я без тебя не поеду. Ты сможешь приехать сегодня?

Мне хотелось сразу ответить «нет». У меня заканчивался выматывающий рабочий день. Я была выжата как лимон. Я едва успею забрать Иришку из сада и забежать в магазин. У меня ужин не готов, а Игорь придет в семь... Я не в состоянии тащиться сейчас через весь город...

– Зачем я тебе? Вам лучше поговорить с глазу на глаз.

Я все еще надеялась увильнуть от неизбежного.

– Пусть там, в милиции, не воображают, что он мой любовник. Так ты приедешь?

– Постараюсь...

Лена моментально отключилась, и я соображала, как быть с Иришкой.

В дверь класса кто-то стал скрестись.

– Разрешите? – заглянула бабушка Юли.

Тамара Павловна – женщина скромная, но с достоинством. Из тех, кто носит шляпки и не сидит на лавочке у подъезда. Ее приход означает конец моего рабочего дня. Я всегда радуюсь ее приходу.

– Юля, Саша, собирайтесь, – разрешила я, и дети убежали в раздевалку.

Я должна рассказать о сегодняшнем инциденте с Кариной, но коротко. Время поджимает. В двух словах я обрисовала, что произошло.

Бабушка покачала головой.

– Что ж поделать? – вздохнула она. – Карина – несчастный ребенок. Ее пожалеть надо. Я Юленьку учу не обижаться на нее...

– Скажите, Тамара Павловна, – спросила я, чтобы поскорее увести от темы инцидента, – почему внука живет с вами? У нее есть мать?

– Мать, конечно, есть, Светлана Николаевна. Но в таком случае говорят – лучше бы не было.

– Но это же ваша дочь, – напомнила я, одновременно пытаюсь представить в подобной ситуации себя и маму. Или маму и Киру. Или Киру и Лену.

– Да, она моя дочь, но мы как чужие. Хуже, чем чужие. Ей не нужен ребенок, я не нужна. Ей нужны только мужчины.

– Юлина мать живет в нашем городе?

– Представьте себе, – воодушевилась бабушка. – Живет с мужиком нерусским. У них там содом и гоморра.

– Она к вам не приходит?

– Я отвадила. Как придет, так скандал. Денег с меня требует. Я не даю, начинает дочкой шантажировать. Не дай Бог вам пережить такое, что я переживаю, милая Светлана Николаевна.

– А давно Юля живет с вами?

– С трех лет. Моя дочь, как разошлась с Юлиным отцом, начала мужиков менять как перчатки. Ребенок брошенный, неухоженный, каждую неделю новый папа. Это нормально?

Я покачала головой.

– Вот и я не могла смотреть на такое безобразие. Забрала девочку.

– Юля – молодец, – похвалила я, складывая тетради в стопку. – Она старательная, ответственная. Я только опасаюсь влияния, которое на нее может оказать окружение. Ведь детки-то у нас, сами понимаете...

– Прекрасно вас понимаю, – опередила меня Тамара Павловна. – Но все же для нас учиться в этой школе – выход. С материальной точки зрения. Здесь кормят бесплатно три раза в день, учебники бесплатные, другие льготы. Разве мне одной ее в хорошей-то школе выучить? Спасибо, в беседе подсказали Юленьку в эту школу отдать.

Шагая в детский сад, я старалась освободиться от мыслей о работе. Это было не так просто. Они шлейфом тащились за мной.

В детсадовской раздевалке толпились дети и родители. Только когда Иришка выглянула из группы и, увидев меня, расплылась в улыбке, я перестала думать о 2-м «Б».

Но в ритуал нашей встречи с Иришкой вклинился звонок Лены.

– Ты едешь? – напомнила она. – Я тебя жду! – В голосе моей тети угадывались слезы.

– Ты что, Лен? Не плачь!

– Да... А если этот Зимин там, в больнице, продолжает доставать Кирюшу? Я узнала, у них даже кровати рядом стоят!

Когда теперь я вспоминаю историю с Кирюшей, каждый раз приходит мысль о том, что где-то наверху событиями руководит Великий Режиссер. Мы ничего не знали о том, что происходило в палате номер двадцать четыре центральной городской больницы с той минуты, как туда привезли Кирюшу.

А происходило примерно следующее.

Кирюше в палате не понравилось. Скучно.

Он насчитал восемь кроватей, шесть из которых оказались заняты. Люди в палате обитали странные. Один мужчина сильно стонал – не мог ни сидеть, ни лежать. Только встав на колени на пол, он мог положить голову на кровать и в такой неудобной позе на какое-то время затихал. Кирюша попробовал обратиться к нему с вопросом, но мужчина закрыл глаза и на вопрос не ответил. Скучно...

У другого мужчины было забинтовано лицо, видны были только глаза. Увидев эту «мумию», Кирюша засмеялся, но его не поддержали.

Старик, что лежал ближе всех к двери, сказал:

– Ты не шуми, парень, все больные тут. Ляг.

Вошла медсестра, сделала укол тому, что стоял на карачках. Дед помог медсестре поднять мужчину, тот осторожно распрямился и вытянулся на своей койке.

– Ложись, – приказала медсестра Кирюше. – У тебя подозрение на сотрясение, тебе лежать надо.

Кирюша уже начал сожалеть о том, что поддался на уговоры родни и согласился остаться в этом неприятном месте. Никто из больных мужиков не изъявил желания сыграть с ним в дурака, сложить его пазлы или же пройтись погулять по больнице.

Кирюша загрустил. Он собрался позвонить домой и заявить, что передумал, когда открылась дверь, вошла медсестра и сказала:

– Встречайте еще одного битого.

Вошел мальчик лет шестнадцати, буркнул под нос «здрасьте», положил свой пакет на свободную койку.

– Смотрите тут у меня, братцы-кролики, чтобы тихо! – предупредила медсестра и вышла.

– Тебя тоже побили? – поинтересовался Кирюша и осторожно дотронулся до руки своего нового соседа.

Мальчик не отвечал, а только молча выкладывал в тумбочку мыло, щетку и разные мелочи.

– А как тебя зовут? – не отставал Кирюша, с первой минуты исполненный симпатии к мальчику, пострадавшему так же, как и он сам.

– Леша, – ответил тот уже более внятно. Он понял, что Кирюша его не узнал.

Ведь когда они с приятелем остановили его на улице, тоже особо-то не разглядели. Темно было.

Кирюша обидчика действительно не узнал. В его памяти остались не лица, а маски. Образы. Черные шапки и страшные улыбки.

У Леша же теперь был вид обычного мальчика. И на скуле у него имелась такая же ссадина, как у Кирюши, и ухо немного припухло.

– А меня – Кирилл. Будешь со мной в дурака играть?

– Раздавай, – согласился тот.

Они уселись на своих койках, а посередине поставили табуретку.

Медсестра заглянула и скрылась. Кирюша благополучно забыл, что несколько минут назад собирался звонить домой и жаловаться. В палате у него появился дружок.

Между тем мы с Леной явились на свидание в КПЗ. Женя выглядел плохо. На щеках проступила щетина, а в глазах пряталась тоска.

Мне стало неловко от того, что мы ничего не захватили из еды.

Лена повела себя так, будто это она сидела в КПЗ, а Женя пришел ее навестить.

– Что ты от меня хочешь? – первым делом спросила она. – Не надейся, заявление свое я не заберу. Обидчики должны быть наказаны.

– Ты права, – согласился Женя.

– Что они вам предъявляют? – спросила я.

– Зимин заявляет, что я повредил мальчишке носовую перегородку. Что при падении тот ударился головой, и теперь у него сотрясение мозга. Но вы же видели, я несильно его.

– Да легонько вообще, – охотно подтвердила я.

Моя Грошева сегодня гораздо жестче отколошматила Зуйко. И ничего, бабушка шума не поднимала.

– Чем это вам грозит? – спросила снова я, ибо Лена молчала.

– Сказал, что посадит, – вздохнул Женя. – И я ему верю.

– Зачем ты только поехал с нами! – подскочила Лена. В душе у нее происходила своя война. Я это чувствовала. У нее в душе болел Кирюша всеми своими болячками, и эта боль вытеснила все другие. – Тебя вообще не просили тащиться за нами. Только все напортил!

– Да не мог я иначе, пойми ты!

Женя вскочил и прошелся по тесной клетке комнаты свиданий.

– У меня сын такой же, как и у тебя, инвалид. Год назад его вот так же избили, как Кирюшу. Я год ходил по судам. Понимаешь? Год пытался этих ублюдков наказать цивилизованно! Ничего не вышло. Когда с твоим сыном это произошло, я не выдержал. Меня сорвало с катушек, свое вспомнилось. Понимаешь?

Мы с Леной, потрясенные, молчали. Но как оказалось, ход наших мыслей протекал совершенно различно.

– Так вот почему ты стал мне знаки внимания оказывать. Ты пожалел меня? – предположила Лена.

– Да при чем здесь это? – возразил Женя. – Просто я тебя уверяю – то, что я дал младшему Зимину по морде, будет его единственным наказанием в этом деле. И не сомневайся. До суда оно не дойдет.

– Ну уж нет! – вскочила Лена. – Я тебе не верю! Ты все врешь. И про сына своего, и про все. Так не бывает! И я доведу это дело до суда! И мне наплевать, что у него дядя – начальник ГИБДД! У меня нет машины и никогда не будет. И мне наплевать!

И Лена стала дергать на себя дверь, а Женя грустно смотрел на нее.

– Извините нас, – поднялась я.

Я ему почему-то поверила и про сына, и про суды. Меня занимало другое – а как же жена? Как после того, как такое случилось, он нашел именно такую же женщину, с таким же больным ребенком, прибил к ним? Ему что, своих проблем мало? Дома – жена с проблемами, в свободное время – любовница с теми же проблемами...

– Чем я могу вам помочь? – спросила я.

– Пожалуйста, попытайтесь узнать, какой диагноз поставили Зимину в больнице.

– Хорошо, я узнаю, – твердо пообещала я, хотя не представляла, как это можно сделать. Без чьей-либо помощи мне диагноза не узнать.

– Лена, да постой же! – Я догнала свою тетку. Она почти бежала от милиции до трамвайной остановки. – Я провожу тебя.

Дома у Киры снова держали совет.

– У Эллы подруга – любовница нейрохирурга, – вспомнила мама. – Можно попытаться через нее.

Стали звонить Гориным.

Я же позвонила Игорю и сразу уловила в его интонации недовольство.

– Игорек, приедешь за мной? – попросила я. – Так не хочется тащиться на автобусе.

Игорь ответил, что недавно забрал Иришку от соседки и они готовят ужин.

– Я отвезу, – вклинился папа, и я сыграла отбой. Чувство вины перед мужем и дочкой точило меня весь вечер.

– Я соскучилась, – прошептала я в трубку, откуда донеслось ворчливое: «Не подлизывайся».

– Ничего не выйдет, – объявила Кира после переговоров с Эллой. – Нейрохирург и дядя – лучшие друзья.

Папа присвистнул. Мы поняли, что Женя влип.

Когда я вернулась домой, Иришка уже спала, а Игорь сидел за своим монитором.

– Есть хочется, – громким шепотом возвестила я, но в ответ услышала лишь неопределенное «м-м-м».

Иногда я могу разреветься на ровном месте, без подготовки. Стоя в темной прихожей нашей квартиры, я нехотая вспомнила, как в первые месяцы моей беременности Игорь носил меня по квартире на руках. Подхватит и носит, как куклу. Я хотела, чтобы именно сейчас, сию минуту у него возникла такая идея. Чтобы он помог мне освободиться от сапог и дубленки, разогрел ужин и кормил меня с ложечки.

Я опустила на стульчик для переобувания и беззвучно заплакала. Жизнь казалась мне бесцветной и безвкусной. Люди – злыми и эгоистичными. А сама я – никому не нужной.

– Ты чего?

Голова моего мужа вынырнула из синей полутьмы комнаты. Стекла очков вопросительно поблескивали.

Я начала свое повествование с истерики Карины и закончила походом в КПЗ. Вывалила на мужа весь свой понедельник. Он сидел на полу, обняв мои колени. Я замирала от его красоты. В полумраке прихожей он казался особенно красивым – темные жесткие волосы, темные глаза, четкая тонкая рамка очков.

Он как будто выполнен в графике, тогда как я – размытая акварель.

– Нужно учиться отстраняться, – сказал Игорь. – Нельзя все пропускать через себя, это ненормально.

– Я сегодня видела дочь ровно пятнадцать минут, – вдруг поняла я.

– А меня?

Я запустила пальцы в его жесткие волосы.

– Игорь, давай я уволюсь, – затащила свою песню.

– Тогда мне придется искать другую работу, – подхватил муж. Каждый из нас знал, что скажет другой. – А мне моя работа нравится, она мне интересна. К тому же начальник скоро уходит на пенсию, и, возможно... Потерпи немножко?

– Что у нас на ужин?

– Жареная картошка.

Игорь умеет жарить картошку так, что она получается одна к одной. С аппетитной хрустящей корочкой.

– Горин зовет меня в свой магазин, – вспомнила я.

– Вот еще не хватало! Будешь там как в витрине, среди его шуб. Мужики начнут пялиться. Нет уж.

– Не хочешь, чтобы на меня смотрели? Боишься – уведут?

– Еще чего...

Он пристально посмотрел на меня, подхватил на руки и потащил в комнату. Он никогда не мог спокойно смотреть на мой заплаканный рот. Мы целовались в дверях, целовались на заваленном игрушками диване, мы так и не успели разобрать его – сползли на пол.

После разбирали постель в темноте, то и дело натыкаясь на игрушки. На постели все повторилось. Когда такое накатывало, происходило что-то странное. Игорь это называет «туши свет». Оба мокрые, скользкие, как рыбы, мы терзали друг друга с настойчивостью одержимых.

После того как Игорь уснул, захватив себе большую часть одеяла, я уже не думала о том, как плох этот мир. Я вплыла в сон, не думая ни о чем.

Глава 3

В среду мою дочь из сада забирала Ксюшка. Я опять не успевала с работы – случился затяжной педсовет.

После педсовета я скользила по накатанным дорожкам напрямик к Полю Чудес. Стоял легкий морозец. Думалось о том, что хорошо бы в воскресенье пойти с Игорем и Иришкой в лес. Взять лыжи, санки, семечек, чтобы кормить снегирей, кататься с горы до красных щек, а потом напиться чаю и, забравшись с ногами на диван, вместе посмотреть хороший фильм.

Подогревая себя мыслями о выходном, я пересекла шоссе и очутилась на территории поселка. Напротив коттеджа Гориных – Черновых стояла красная иномарка, на которую я поначалу внимания не обратила. Тут часто стояли машины гостей – не все помещались во дворе.

Но едва я открыла калитку, как услышала позади себя легкий хлопок автомобильной дверцы. Не успела подняться на крыльцо, как меня настигла чья-то цепкая рука и я оказалась развернута на 180 градусов.

– Не торопись!

Надо мной нависла взлохмаченная рыжеволосая дама в распахнутой полосатой шубе. Ее рука с алыми ногтями крепко держала меня за воротник.

– В чем дело? – ахнула я.

– Хочу, чтобы ты знала, дорогуша, – выдохнула она мне в лицо, – твой муж любит только меня.

– Вас?

Я честно попыталась представить Игоря рядом с этой рыжей фурией. Во-первых, она была явно старше нас лет на десять. Во-вторых, это не тот формат. Если я – размытая акварель, то она – люминесцентная гуашь. Это ни в какие рамки не лезет. Я ни на секунду не допустила, что она может говорить правду. Честно говоря, я склонялась к тому, что передо мной сумасшедшая.

– У нас любовь, – кивнула она. – А ты можешь выматываться, откуда пришла. Тебе с ним жизни все равно не будет. Уяснила?

– Это почему же – не будет? – осторожно поинтересовалась я, мысленно вычисляя расстояние до дверного звонка. Далековато... Дама крепко держала меня и периодически встряхивала.

– Потому что он любит только меня! Давно! Потому что он сгорает от страсти в моих объятиях, а с тобой спит из жалости!

– Слушайте! Да отпустите вы мой воротник! – возмутилась я, пытаясь освободиться. – Какое вы имеете право...

– Он тебя на помойке подобрал, как паршивого котенка! – шипела рыжая, тесня меня к двери. – Отмыл, накормил, в дом свой пустил...

Я утвердилась в своем предположении. Назвать дом Киры помойкой, а нашу хрущевку – домом? Что-то не стыкуется.

– Потому что у него сердце золотое, – продолжала дама. – А пигалицы вроде тебя этим пользуются. Я тебя предупредила: убирайся по-хорошему!

– Откуда – убирайся? – осторожно уточнила я.

– Из этого дома! – рявкнула дама, тряхнув шевелюрой. – Собирай манатки и выметайся сама, или я тебе помогу!

Тут до меня стало доходить, в чем дело.

– Вы, наверное, меня за Ксюшу приняли? – предположила я. – Но это не я... Вернее – я не она. Я подруга!

– Ты мне лапшу не вешай, – не поверила рыжая. – Я тебе все сказала. Боишься? И правильно делаешь!

Прижатая вплотную к входной двери, я сумела изловчиться и нажать на звонок. Дама тряхнула меня в последний раз, отшвырнула от себя и посеменила к своей машине.

Дверь открыл Вадик. Я предстала перед ним – взъерошенная, злая, красная.

– Тебя какие собаки драли? – поприветствовал он меня.

– Где моя дочь?

– У Гориных вместе с Ксюхой. Ты чё, от своры собак убегала? – повторил он.

– Нет, всего лишь от твоей любовницы.

– Чего?

– Меня твоя любовница сейчас чуть не придушила.

– Чего?!

Вадик сузил и без того узкие глазки и приблизил свое лицо к моему. Его гладкий лоб собрался в складочку.

– Чего-чего! – передразнила я. – Выскочила какая-то мымра из красной машины, налетела, стала орать. Она меня за Ксюшку приняла. Куда ваша охрана смотрит? Как ее вообще на территорию поселка пустили?

И тут я запнулась. Вадик не отрываясь смотрел на меня с непонятным выражением лица. Он смотрел на мой рот. Я захлопнула его и отступила к двери. В эту минуту я поняла, что влезла во что-то такое, во что лезть не должна была. Может, он сам этой драной кошке пропуск выписал. Может, она и дома у них бывает, пока Ксюха в своей школе танцев отплясывает. И еще я поняла, что оставаться с Вадиком наедине небезопасно.

– Я пойду... – негромко сказала я и потянулась к дверной ручке. Но он опередил меня. Его лапища упала на ручку и повернула ее.

– Еще что она тебе рассказала?

Он снова приблизил свою яйцеобразную голову. По моей спине пробежал холодок.

– Она требовала, чтобы я сама тебя бросила. Я пыталась сказать, что она обозналась, но думаю, она не поверила.

Вадик внезапно выбросил вперед обе свои здоровенные руки, и я оказалась в западне. Его ладони были крепко прижаты к стене, а посередине торчала моя многострадальная голова.

– Слушай сюда, Светик, – заговорил он так, как говорят гангстеры в кино. – Если ты Ксюхе хоть слово капнешь... то придушу тебя я сам. Поняла?

Белки его глаз были сплошь в красных прожилках. Мне стало обидно и противно. Из-за того, что он входил в нашу компанию, был частью моего окружения, я считала его своим. Одним из нас. А тут такое циничное и хладнокровное «придушу». Самое главное, тон сказанного не позволял сомневаться – он придушит и глазом не моргнет. В ванне утопит, с балкона выкинет...

– Да пошел ты, – разозлилась я.

Он все еще продолжал меня держать в своей западне. Тогда я присела и вынырнула из звена его нехилых конечностей. Толкнула дверь и оказалась на крыльце. Глотнула обжигающе-морозного воздуха, подняла голову... Из верхнего окна средней квартиры на меня смотрела бабушка – божий одуванчик.

Смотрела и улыбалась. Я кивнула в ответ, и она тотчас закивала часто-часто, как старой знакомой.

У Гориных все были в сборе. Даже Ника. Ее присутствие выдавала трясущая верхний этаж музыка.

Иришка сидела на диване и играла бижутерией Эллы – доставала и наматывала на себя многочисленные бусы.

– Что стряслось? – спросила Элла. – На тебе лица нет.

Я не нашла ничего лучшего, как свалить все на Лену, на ее проблему с Кирюшей и его обидчиками.

– Елене нужно не дурить, слупить с них денег и забрать заявление, – сказал Рома. – Ничего она не добьется.

– Ленка упрямая, добьется, – возразила я.

Элла мягко дотронулась до моей руки.

– Ты понимаешь, какое там дело, – вкрадчиво начала она. – В семье Зиминых три брата. Один – начальник ГИБДД, другой – крутой бизнесмен, третий сидит в тюрьме. Вот этот третий – отец Леша Зимина.

– Яблочко от яблоньки, – вклинилась Ксюша.

– Моя подруга, которая близко знакома с нейрохирургом, – при этом Элла покосилась на Рому, – говорит, что оба дяди сделают все, чтобы племянник не попал за решетку. Ибо им не удалось вытащить брата, его якобы жена за решетку уpekла. Все сделают, понимаешь? Нейрохирург утверждает, что этому Леше Женя нанес какие-то сильные повреждения.

– Да врет он все, – отмахнулась я. – Они Женю шантажируют.

Ксюшка сидела в обнимку с моей дочерью и тянула из шкатулки нитку горинских бус.

Она даже не подозревала, какие тучи сгустились над ее головой. Сказать?

– Сейчас мы из тебя сделаем индианку, – пообещала моя подруга, поворачивая Иришку на свет. Моя дочь походила на новогоднюю елку. Ксюха украшала ее, высунув язык. Пусть узнает не от меня. Пусть сами разбираются. Не скажу.

Ника выглянула, повисла на перилах лестницы, помахала мне рукой. Иришка-елка ответила за меня – помахала сразу двумя лапками, унизанными браслетами.

– О! Женщина Востока! – поприветствовала ее Ника, куда-то нырнула, сменила музыку и вынырнула уже под тягучие восточные ритмы.

Ксюшка подскочила, хлопнула в ладоши и ритмично задвигала бедрами. На нее подобная музыка действовала магически. Она выписывала замысловатые движения руками, а Иришка пыталась повторить. Я приклеилась взглядом к этому зрелищу. Моя дочь повторяла движения и чувствовала ритм! Мне хотелось призвать всех – посмотрите! Я была на седьмом небе от гордости.

Ника спустилась на площадку между этажами и начала подтанцовывать. Элла схватила с кресла крепдешинный платок и присоединилась к остальным.

Вскоре вся наша женская община выплясывала вокруг Иришки импровизированный восточный танец. Мы словно стремились выплеснуть то, что приходилось прятать в повседневной жизни. Мы танцевали каждый о своем.

Элла – о своем романе с известным в нашем городе композитором. О том, какой он талантливый, молодой и безумный. О том, что он посвящает ей свою музыку и говорит красивые слова. Дарит ей вторую молодость и остроту жизни.

Никин танец был о поиске чувственных удовольствий, о риске и об отсутствии иллюзий.

Ксюшка танцевала профессионально.

Но я смотрела на свою дочь. Я глаз с нее не сводила. Конечно, ее движения оставались неуклюжи и неуверенны, но я видела в них то, что хотела. В них заключалось мое ожидание.

Ксюшка вызвалась проводить нас до будки гаишника, но я поспешно отказалась. Боялась проговориться по дороге. Зачем усложнять жизнь подруге, и без того сложную?

Вернее, какую-то нелепую. Не оставалось сомнений, что со вторым мужем ей так же не повезло, как и с первым.

Ксюшка не обладает вызывающей красотой, но чем-то притягательным, безусловно, обладает. Она невысокая, подвижная, с живым эмоциональным лицом и пестрыми, в крапинку, глазами.

Все детство она занималась в ансамбле танцев и после школы поступила в колледж искусств, где продолжала танцевать. У них даже экзамены проводились в форме концертов, я всегда ходила. В Ксюшкиной группе на пятнадцать девочек приходилось пять мальчиков. Одним из них был Толик. Он, как и остальные четверо, выглядел несколько манерно, на мой взгляд. Но ведь это мир искусства... К тому же у него на верхней губе имелся небольшой, но заметный шрам, что, по мнению Ксюхи, придавало ему некий шарм и мужественность.

Отстояв полдня у станка на классике, хореографы истязали себя народным танцем и танцем модерн. В их классе никогда не стихал топот и всегда стоял запах конюшни. В раздевалке девчонки переодевались, не стесняясь парней. По-моему, они вообще не различали друг друга по признаку пола. Заглянешь в раздевалку на перемене – лежат вповалку, ни живые ни мертвые, друг на друга не смотрят, дышат, как рыбы на берегу. Напрыгаются полдня, а потом до вечера лекции. А по ночам Толик танцевал стриптиз. И однажды как-то Ксюха на этот стриптиз попала. И разглядела Толика. Она увидела, что он высок, строен и что он мужского пола. На народном танце в кадрили встала с ним в пару. Тут и он ее разглядел. У них как-то все закрутилось без предварительной подготовки, в общежитии колледжа, в комнате однокурсников. Они совсем не расставались, встречались по чужим комнатам, а после Ксюшка донимала меня подробностями этих встреч. Однажды повела меня на мужской стриптиз, где Толику аплодировали дамы. Им нравились его откровенные телодвижения. Они не нравились только Ксюшкиной маме.

Тетя Таня очень надеялась, что увлечение дочери пройдет, как болезнь ветрянки.

– Ну что это за мужик? – вопрошала она нас с мамой. – Порхает, как бабочка, волосы длиннее, чем у Ксюши.

– Зато у них общие интересы, – вступалась моя мама.

– Какие там интересы? Танцор – не муж! – рассуждала тетя Таня. – Выйти за такого – себя не уважать.

Она кожей чувствовала, что дело движется к этому.

Тетя Таня поручила всем своим подругам побольше узнать про Толика и его семью. Между тем Ксюшка залетела, и свадьбы было не миновать.

Молодые заявили, что свадьба будет студенческая, в кафе на набережной. Однокурсники проявили фантазию, нарядились в сценические костюмы, отплясывали так, что из соседних кафе сбежали зрители. Настоящая молодежная свадьба. Танцы народов мира воочию.

Ксюшка привела молодого мужа жить к маме. Толик по-прежнему учился и работал, у моей подруги потихоньку рос животик.

И тут подоспели сведения. Подруга тети Тани, медсестра из горбольницы, раскопала медицинскую карточку Толика. Оказалось, что родился он с заячьей губой. И года в четыре ему сделали операцию. Тетя Таня подняла тревогу. Призвала к ответу Толикову маму. Та призналась, что да, операция имела место. И теперь ничего не заметно. Мать Толика даже вроде бы и гордилась, что вовремя все сделала и теперь сын красавец.

– Подумаешь, дефект – заячья губа! Что об этом и говорить-то?

Но тетя Таня так не считала. Вместе с подругой-медсестрой они продолжали копать и нарыли, что в роду у Толиного папы был родственник с олигофренией. Тетя Таня подняла всех на уши. Вся наша семья бурно обсуждала эту проблему.

Только я плавала в розовом тумане любви – как раз мой роман с Игорем начал свое развитие.

Я и не предполагала, что у Ксюшки с Толиком все зайдет в тупик.

Тетя Таня пристально присматривалась к зятю. Она искала и, что интересно, находила признаки олигофрении. И раскрывала глаза беременной дочери.

Пока я наслаждалась счастьем умопомрачительной любви, моя подруга, ведомая любящей рукой своей мамы, твердой поступью шагала к разводу.

Дело осложнял Ксюшкин растущий живот. Но и он не стал камнем преткновения для тети Тани. От живота было решено избавиться.

Как Ксюха допустила саму мысль эту в свою голову? Срок был пять месяцев, УЗИ показывало девочку.

На моей свадьбе подруга не присутствовала. Тетя Таня всем говорила, что дочь положили на сохранение.

После свадьбы мы стали жить у Киры, куда и явилась с поздравлениями моя подруга Ксюха – бледная, несчастная и без живота. Вызвали искусственные роды в связи с медицинскими показаниями.

– Какими показаниями? – ахнула я. – Ты с ума сошла?!

– Наверное, – тяжело вздохнула моя подружка.

Я представляла себе Ксюшкиного ребенка, окровавленного, шевелящего крохотными ручками. Говорят, такие дети рождаются живыми, их потом просто оставляют умирать.

Ксюха собиралась назвать девочку Таней, в честь матери.

– Ты ничего не понимаешь, – защищалась она, затравленным взглядом взирая на меня из глубины старого кресла. – Ребенок мог получиться инвалидом! Она могла быть... как...

– Как Кирюша, – подсказала я.

Ксюха смотрела на меня с минуту не моргая. Ее и мои глаза одновременно наливались слезами.

– Они на меня насели все: мама, тетя Юля из больницы, гинеколог... Ты не слышала, что они мне говорили! Что моя дочь может родиться уродом, что в лучшем случае она будет умственно отсталой... Они водили меня в палату, где лежат такие дети... Я видела! Это ужасно, Свет...

Я молчала, не зная, что сказать.

– Ты теперь будешь презирать меня, да? – потерянно спросила моя подружка.

– Ну что ты, нет!

Я обнимала ее и чувствовала себя так, будто это у меня вызывали искусственные роды. Будто меня заставили развестись с Игорем из-за какого-то дефекта. Мы обе ревели.

Мне было жаль себя, жаль подругу и жаль убитого ребенка. Из всех троих я могла помочь только подруге. И я утешала ее, как могла.

– Ты меня понимаешь? – спрашивала она.

Я гладила ее по спине и соглашалась: понимаю. Я ничего не понимала.

Игорь узнал эту историю от меня. В тот период мы рассказывали друг другу все-все, любую мелочь. По крайней мере – я. Мне казалось, что я обязана переливать в него половину себя, чтобы было поровну.

Его реакция меня поразила. Он сказал, что мне не нужна такая подруга.

– Да она круглая дура! – возмущался он, меряя шагами нашу комнату, бывшую мою. – К тому же жестокая дура. Вместе с мамашей.

– Ну, тетю Таню-то ты совсем не знаешь, – вступилась я. – Тетя Таня – медик, она на жизнь смотрит с позиции медицины.

– Светик! – Игорь подошел, взял мою голову в свои руки и заглянул мне в глаза несколько испуганно. – Ты ведь не такая? Ты – не такая?!

Теперь я понимаю – в тот момент он действительно испугался, что недостаточно хорошо узнал меня.

Когда любишь человека, всегда кажется, что ты его хорошо знаешь. А после оказывается, что неизученные пространства ты просто заполнил собой.

Тетя Таня очень опасалась, что Толик будет преследовать Ксюшку, доставать своей любовью. Что он так просто не отстанет. А вышло все иначе. Он, когда узнал, что стало с его ребенком, собрал свои вещи и уехал из города совсем. Даже проститься не пришел.

– Да он и не любил тебя никогда! – внушала тетя Таня дочери после отъезда зятя. А та после развода и больницы находилась в полной прострации. Она не верила, что все это действительно с ней происходит.

Но это было. И я – свидетель.

Когда мы с Иришкой забежали в тепло нашей квартиры, я с порога заявила:

– В воскресенье идем в лес!

– За подснежниками? – отозвался Игорь, не отрываясь от монитора.

– На санках кататься!

– М-м-м, – прозвучало в ответ.

Я методично строю планы. В моих сценариях много солнца и радости. В них – гармония и безмятежность. Но жизнь так же методично и последовательно вносит в них свои коррективы.

В пятницу я пришла на работу раньше обычного, чтобы успеть внести оценки за контрольную в журнал. Подойдя к дверям своего класса, я поняла, что там уже кто-то есть. Мальчишки. Я по голосам угадала, кто это, – Саша Шадт, Вова Ширяев и Дима Саенко.

Шадт снова принес из дома игрушки, и эта троица с увлечением разыгрывала сцены с пластмассовыми трансформерами-роботами. Шла битва, которая, конечно же, комментировалась неприличной бранью Ширяева. Да и Саенко не отставал. Все эмоции у них выражала непристойная ругань.

– Зачем вы все время ругаетесь? – наконец не выдержал Саша и отодвинулся на край парты. – Вам самим не надоело?

– Мы не ругаемся, – удивленно возразил Ширяев и сплюнул на чистый, пока еще не затоптанный пол.

– Ну, вы так разговариваете все время... с матом. Зачем?

– А чё такого-то? – пожал плечами Саенко.

– Да это же плохо для вас, – напряглся Саша, собирая воедино все свое красноречие.

Я слушала их разговор с возрастающим интересом.

– Ништяк, – возразил Саенко, расставляя трансформеры.

Шадт пересел за другую парту, оставив им игрушки. Но те двое, потолкавшись немного, начали дурачиться и кривляться. Они не умели играть без Шадта. Он был их направляющий.

– Да ладно, Санек, айда играть. У нас в интернате все так говорят, как мы.

И они были правы. Мне было интересно, как поведет себя Шадт. Он часто приносит в класс игрушки и сладости, делится со всеми. Меня всегда занимал вопрос – он таким образом хочет утвердиться среди них, или им движет что-то другое?

– Но вы же не всю жизнь будете жить в интернате! – горячо возразил Саша. – Вы же вырастаете, будете работать где-нибудь. Жить среди обычных людей. Если вы не изменитесь, вас просто никто понимать не будет.

Мальчишки озадаченно молчали. Вероятно, Шадт навел их на размышления.

– Ну вы хотя бы послушайте, как вокруг люди говорят. Ну там... в магазине, в больнице...

– Мы чё, больные? – хохотнул Саенко, но Ширяев не поддержал его.

Сквозь щель в приоткрытой двери я видела, что он слушает Шадта открыв рот. На лице Ширяева отражался сложный мыслительный процесс.

– Ладно, айда играть, мы не будем материться. Да, Димыч?

Саенко кивнул.

Шадт вернулся к ним за парту, и игра продолжилась.

Я взялась за ручку двери, но увидела, что по коридору ко мне торопливо направляется завуч.

– Светлана Николаевна, вы не сдали сведения по прогульщикам!

– У меня один. Скворцов с прошлых выходных отсутствует.

– Так что же вы тянете?

– Надеюсь, что сегодня появится.

– Если не появится, придется навестить в выходные. В понедельник мне доложите, Светлана Николаевна.

Кондратьева развернулась и застучала каблучками. А по коридору мне навстречу уже неслась Карина Грошева. Я нырнула в класс.

Конечно же, Скворцов не пришел. Мои выходные летят псу под хвост!

* * *

В субботу я отправилась разыскивать Скворцова. С собой потащила Ксюшку – долг платежом красен. Не только мне сломя голову мчаться по ее первому зову. У меня имелась бумажка с адресом ученика, и это, конечно же, оказалось у черта на куличках. Улица Заовражная, 91. Одно название уже навевало тоску и безнадёгу. Это где-то за пределами Простоквашино, за заводом, за переездом, в частном секторе. Пока доберешься, ноги переломает.

Я приготовилась к тому, что моя подруга начнет ныть еще до переезда, но ошиблась. Она не замечала трудностей пути – вчера ей позвонила Рыжая. Правда, Ксюша не знала, что она рыжая. Она называла ее «эта сумасшедшая».

– Ты бы только послушала, что она мне говорила! – вещала Ксюша. – Она мне угрожала!

– А ты что?

– Я послала ее.

– И правильно.

– Она сказала, что наведет на меня порчу!

– А ты и испугалась!

– Я же ее не знаю. Может, она способна на такое?

– Глупости.

– Как ты думаешь, Вадик действительно с ней спит?

– Ну... может, раньше, до тебя?

– Я тоже так думаю.

– Ну и плюнь на нее.

Но моя подруга была под сильным впечатлением от разговора и всю дорогу возвращалась к этой теме.

Мы вышли туда, где за покосившимися заборами торчали ветхие, давно не крашенные «засыпухи» – дома, сколоченные из древесных плит, в прогал между которыми насыпаны опилки. Временное, «понарошковое» жилье, все равно что из бумаги.

Улица Заовражная колбасилась, как могла, – яма на яме, кочка на кочке. Мы ныряли в эти ямы, обходили и перепрыгивали кочки. Мы дошли до конца улицы, но так и не обнаружили дома с нужным номером.

Во дворе крайнего дома женщина развешивала белье. Белье выглядело серым, непрости-
ранным, как и сам пейзаж.

– Вы кого ищите? – обратилась она к нам.

– А где дом девяносто один? – прокричала Ксюха.

Женщина пожала плечами.

– Скворцовы где живут? – присоединилась я.

– Скворцовы? Дядя Ваня, что ли? Да вон его домушка. – Женщина показала на убогое строение, прилепившееся к оврагу, которое я поначалу приняла за баню. – Вон, видите дымок из трубы? Значит, дома. Да дядя Ваня-то всегда дома, ходит плохо, да и слепой почти. Вот Анька, дочь его, та как ясно солнце – то появится, то умотает куда. Давеча идет опухшая, с синяком, пальто без пуговиц... Срамота! А ведь училась как в школе-то! На Доске почета висела.

Ксюшка потянула меня за рукав. Мы пробрались по узкой, кое-как протоптанной в снегу тропинке к покосившемуся строению. Я осторожно постучала в окно. На мой стук выглянул старик, заросший бородой, будто мхом. Он таращился в окно и шамкал губами. Я поняла, что он нас не видит, и шагнула к двери. Ксюшка посеменила за мной.

Чтобы попасть в избушку, пришлось наклониться. В темных сенях пахло прелыми тряпками и мышами. Впереди имелась еще одна дверь, обитая клеенкой. Я толкнула ее.

То, что открылось нашему взору, даже с натяжкой нельзя было назвать жилым помещением: стены, оклеенные газетами, лампочка, сиротливо свисающая с закопченного потолка, единственная кровать с ворохом тряпья на ней. Сквозь щели в ветхом полу чернела пустота.

Старик, что выглядывал из окошка, ковырял кочергой в печке. Оттуда порциями вырывался черный угольный дым и хлопьями разлетался по комнате.

– Я тебя на улице подожду, – сказала Ксюшка и поспешно вышла наружу.

Скворцов сидел за занавеской, в закутке у печки, и чистил картошку.

– Здрасьте, – смутился он.

– Здравствуй, Паша. Ты болеешь?

Скворцов встал, вытащил из своего закутка табуретку и поставил передо мной:

– Садитесь, Светлан Николаевн.

– Ты долго не ходил в школу, я подумала...

Дед закрыл дверцу печки и повернулся ко мне.

– А пенсию-то когда прибавите? – громко спросил он.

– Деда, это не к тебе. Ты иди. Это из школы.

Дед послушно ушел за печку. Ворчал оттуда, как домовый, но не высовывался.

– Так что же ты скажешь, Паша? Почему в школу не ходишь?

– Мамку искал, – насупился Скворцов. Взял кочергу и помешал уголь в печке. – Вот и не ходил.

– Нашел?

– Нашел.

– А могу я с ней познакомиться?

– Ее нет сейчас. Она ушла.

– А где ты маму нашел, Паша? – осторожно поинтересовалась я.

– Да там... у одних... Пьяная была.

– Сядь, – попросила я и сама опустилась на предложенную табуретку.

Мальчик уселся на койку. Сложил руки на коленях. Я смотрела на него во все глаза, понимая, что должна сейчас ему что-то сказать, в чем-то убедить. Слов не было, в душе рождалась паника. Мне хотелось схватить Скворцова в охапку и унести отсюда. Куда? Не знаю. В какой-то другой мир, где тепло, уютно. Где можно жить ребенку. Но я сидела на колченогой табуретке и смотрела на его руки, испачканные углем.

– Паша... Ты же понимаешь, тут тебе оставаться нельзя. Ты должен учиться. Спать на нормальной кровати, хорошо питаться. А вот когда выучишься, станешь работать, заберешь к себе маму.

– Она ждет ребенка.

– Что?

Скворцов вздохнул, пошевелился. Кровать под ним скрипнула.

– Я ей говорю: «Тебе теперь надо себя беречь. Курить нельзя, пить тоже. Это для маленького вредно».

– Правильно. – Я облизнула пересохшие губы и размотала шарф на шее. – Мама тебя слушает?

Скворцов кивнул:

– Слушает. Три дня дома была, никуда не ходила. Я сам за хлебом ходил и за водой. А сегодня утром недоглядел. Ушла. – Он снова тяжело вздохнул.

– Но ты не можешь вечно сидеть и караулить маму, – сказала я. – Она взрослая. Должна понимать...

– А если не понимает?

Паша смотрел мне в глаза и ждал ответа. Он ждал, чтобы я научила его, как жить. Я молчала.

– Она у меня хуже маленькой. Ей питаться нужно хорошо, а у нас денег нет. Я там, в интернате, сытый, а они тут... А ребенок?

Я глотнула воздуха, но его в комнате не было. На языке остался привкус земли и тряпья.

– Я все понимаю, – решительно заявила я. – Но все же пока ты учишься, у мамы есть надежда, что ты станешь ей опорой. Ты должен получить профессию, чтобы зарабатывать. Ты должен это сделать для своей мамы и для будущего братика.

– Или сестрички, – улыбнулся Скворцов.

Мне стало душно. Я поднялась.

– В понедельник жду тебя в школе. Договорились?

– Договорились.

Выйдя на воздух, я некоторое время стояла, привыкая к свету. Ксюшка пританцовывала у забора.

– Я не понимаю, как ты все это выдерживаешь! – набросилась она на меня. – Как ты можешь работать в таких условиях?

– А жить в таких условиях можно? – спросила я.

– Ужас! А где у него мать?

– Это не мать, это недоразумение, – отвечала я, яростно шагая прочь от дома Скворцовых. – Вот Паша Скворцов – мать.

– В каком смысле?

– Во всех.

Скворцов стал новой раной в моем сердце. Мне жутко захотелось увидеть всех мамаш моего класса. Всех до одной! Посмотреть им в глаза и сказать все, что я о них думаю.

– А ты устрой праздник мам, – предложила Ксюшка. – Пошли им всем пригласительные открытки. Я уговорю Чернова спонсировать вам чаепитие. Прибегут как миленькие, все бабы любят праздники.

Иногда моя подруга дает дельные советы. Не успела я как следует обдумать Ксюшкино предложение, мне позвонила Лена.

– Света, ты не забыла, что завтра мы встречаемся с Женей и Дядями?

– Завтра? – Я едва не села на одну из кочек. – Почему завтра? Ты вроде бы говорила, что...

– Если хочешь, я откажусь. Я согласилась только при условии, что ты пойдешь со мной. Ты меня поддержишь. Но я еще не дала согласия. Отказаться?

– Н-нет, – промычала я, – соглашайся. Я приеду.

– Зачем ты ввязываешься в это дело? – протянула Ксюшка, кутаясь в свою коротенькую шубку. Она немного ревнует меня к Лене. Считает, что я должна ввязываться только в дела Черновых.

– Я обещала Жене разузнать диагноз.

– Удалось?

– Ну да. Твоя мама постаралась.

– Это она может, – согласилась Ксюшка.

Диагноз Леши Зимина удалось узнать все через ту же медсестру, подругу тети Тани. У той свои люди были во всех отделениях больницы, включая приемный покой. В карточке стояли сотрясение мозга под вопросом и повреждение мягких тканей. Собственно, то же, что у Кирюши. А Жене втирали про повреждение носовой перегородки.

Настроение, и без того неважное, упало ниже нуля. Запланированный поход в лес испарялся из моих планов.

– Ксюшка, ну почему у меня никак не получается жить, как хочу?

– А у кого получается? – вздохнула она.

Встречу Лены с Дядями и Женей назначили на нейтральной территории. У Лены в библиотеке. Есть у нее там небольшой читальный зал. Она читателей выпроводила в фонд, а на двери повесила табличку «Тихо. Идет конференция».

Минута в минуту явились оба брата Зимины. Дядя-гаишник и Дядя-бизнесмен. Оба источали солидность и непробиваемость. Два танка.

Женя пришел на встречу не один, привел с собой сына. Мальчик был немного помельче Кирюши, но в выражении лица читалось сходство. Сразу всем стало понятно, что Женя не наврал про сына.

Когда мы расселись вокруг стола, я поняла, что мудро поступила моя тетка, назначив встречу именно здесь. Она чувствовала себя хозяйкой и держалась уверенно. Сыну Жени она принесла фломастеры и бумагу «Снежинка».

– Рисуй, Степа, – разрешил Женя, и подросток послушно вытянул из пачки листок, разгладил его, как это делают шестилетние дети, и начал рисовать.

Дядя-гаишник решил взять ситуацию под контроль. Он положил обе руки на стол, кашлянул и придал лицу соответствующее выражение. Выражение это говорило, что он здесь главный и это безоговорочно, а все остальные, разве что кроме брата, шелуха. И видит он эту шелуху насквозь.

– Давайте откровенно, – начал он, не глядя Лене в лицо, а лишь слегка повернув голову в ее сторону. – Чего вы хотите?

– Лично от вас я ничего не хочу, – пожала плечами моя тетка. Она стояла у библиотечной стойки, сложив руки на груди. Вся ее поза говорила о том, что хотя она и пришла на эту встречу, однако не собирается плясать под чью-то дудку.

Братья переглянулись.

– Ну что ж, – пожевав губами, продолжил Дядя-гаишник. – Вы должны понимать ситуацию не хуже меня. Если вы не заберете заявление, вашего друга посадят. Уж поверьте моему слову.

Дядя-бизнесмен шумно выдохнул при этом. Женя сидел молча.

– Вы уж мне поверьте, – в тон ответила Лена, – никакой он мне не друг, и я не просила его лезть с кулаками.

Дядя-бизнесмен крикнул и ослабил воротник рубашки. Начальник ГИБДД покоился, как кочка, без движения. Только ноздри его раздувались и подрагивали. Женя глаз не поднял. Он безропотно переносил Ленино отречение. В комнате стало тихо, лишь поскрипывал Степочкин фломастер. Братья, конечно же, не ожидали такого поворота.

– Что вы предлагаете? – Дядя-гаишник все еще пытался сохранить напористость в своем тоне, но у него это неважно получалось.

– Ничего, – ответила Лена. – Я хочу наказать обидчиков.

Женя сидел напротив меня и смотрел на свои руки. Наверное, он вспоминал, как год назад тоже хотел наказать обидчиков Степочки.

– Но... может, мы найдем компромисс? – осторожно вклинился бизнесмен. Он был похож на брата, но выглядел более холемым, ухоженным. Все-таки в начальнике ГИБДД легко прочитывалась чрезмерность. Много ест, много пьет.

– Не знаю, – уклончиво ответила Лена. – Я хотела бы разговаривать не с вами, а с мамой Алексея.

Начальник ГИБДД отодвинулся вместе со стулом, поднялся и направился к окну. Выглянул. Наверное, в душе у него рождался бурный монолог.

– С мамой мы не очень-то общаемся, – доверительно сообщил Дядя-бизнесмен. – Она нашего третьего брата посадила, понимаете?

– Да она и сына посадит, глазом не моргнет, – мрачно предрек Дядя-гаишник. – От нее всего можно ожидать. Вы сама мать. Ну представьте, что значит – парню в шестнадцать лет попасть в колонию! Жизнь псу под хвост!

– А представьте, как парню в шестнадцать лет, вот такому парню, – Лена почти подбежала к Степочке, взяла его за плечи, – как ему жить среди таких, как ваш Леша? Как остальным детям ходить по улицам, когда там полно таких Леш?

– У которых такие добрые дяди, – вставила свое слово я.

– Да! Всемогуший дядя всегда вытащит своего племянника, даже если тот сделает из инвалида калеку! – подхватила Лена. Ей не требовалась моя помощь. Я была свидетель, и только.

Женя тоже чувствовал себя не у дел. Одному Степочке было вполне комфортно. Он таскал из толстой пачки белые листы и мелкими цветными штрихами рисовал на них цветы.

Дяди переглянулись, поднялись и двинулись к выходу.

– Я устрою вам встречу с мамой, если вы на этом настаиваете, – угрюмо пообещал начальник ГИБДД.

Это прозвучало как «я устрою вам сладкую жизнь».

– Хорошо, – спокойно отозвалась Лена. – Буду ждать вашего звонка.

Дяди ушли, в зале повисла неловкость. Я хотела выйти, чтобы оставить Лену с Женей наедине, но она меня остановила. Я углубилась в журналы.

– Лен, ты прости меня, – заговорил Женя. – Из-за меня у тебя лишние проблемы.

– Это ты меня прости, Женя, – ответила Лена. – Это у тебя из-за нас проблемы.

Женя встал и подошел к Степочке.

– Ну, мы пойдем?

– Ага. Всего доброго, – кивнула Лена.

– И вам.

Женя взял куртки – свою и сына, и они вышли. Лена подошла к столу и села. Положила голову на руки. У нее было усталое лицо.

– Ты его совсем не любишь? – спросила я.

– Я сейчас, Свет, не способна на любовь. Я всех ненавижу.

– Но... разве тебе его не жалко?

– А меня кому-нибудь жалко? – Лена тяжело вздохнула. – Хоть кто-нибудь пришел бы и сказал: «Лена, не думай ни о чем. Я сам за тебя все решу».

– Отец Кирюши был таким.

– Слава? – удивилась Лена. – С чего ты взяла?

– Помню.

– Мама считала иначе.

– А ты?

– Что теперь об этом? Разбитую чашку не склеишь...

- Ты к Кирюше сегодня пойдешь?
- Была уже.
- Как он?
- Нормально. С Лешей этим не разлей вода. Ты же Кирюшу знаешь – обнимает этого Лешу, как родного. Смотреть тошно.
- А тот?
- Тот, как меня увидит, глаза прячет. Боится. Знаешь, я понять хочу, что он чувствует? Неужели только страх за себя и ничего больше? Неужели – ничего?

Глава 4

На встречу с Лешиной мамой Лена отправилась без меня. На этой встрече присутствовали лишь трое – Лена, мама Леши и Дядя. Дядя – начальник ГИБДД. Мама второго мальчика на встречу не явилась.

– Им все равно, что будет с их ребенком, – ответила хозяйка на вопрос Лены.

Мама Леши оказалась дамой ухоженной и значительной. И квартира у нее была ничего – с евроремонтом и мягкой мебелью. Но вид мама приняла скорбный, соответствующий ситуации. Кругом – за стеклом горки с посудой, на журнальном столике, на стене – висели и стояли Лешины детские портреты. Милое детское личико. Добрый, улыбчивый мальчик.

Лена заколебалась. Ей стало жаль и эту ухоженную, но, в сущности, несчастную женщину, воспитавшую бездушного сына. И этого мальчика с фотографий, не подозревающего, что его ждет.

Дядя утопал в своем кресле и исподлобья наблюдал за гостьей. Лена не успела опуститься на предложенный стул, как Дядя огорошил ее:

– Ваша сумма.

Лена опешила от его наглости, и в ней тотчас проснулось противостояние.

– Какая еще сумма? Мы с вами разве на базаре?

Она прошла через комнату и села подальше от Дяди, у окна.

Мама подошла к ней и села поблизости. Они сидели рядом – две мамы. А Дядя оказался далеко и, утопая в своем кресле, был внизу. Ломал композицию и выглядел смешным. По крайней мере Лене так казалось.

– Вы поймите нас правильно, – заговорила Лешина мама, не теряя своего скорбного вида. – Предлагая деньги в обмен на ваше заявление, мы хотим вам помочь... Поймите, вы болеете душой за своего сына, а я – за своего. Да, я убита его поступком, я раздавлена. Но что я могу? Сын без отца растет...

Тут Дядя подскочил, как мячик:

– А кто виноват, что он без отца растет? Я говорил тебе в свое время, что этим кончится! Только ты меня не слушала. Отомстить ему хотела!

Зимин побагровел, глаза налились кровью – вся сдерживаемая злость просилась наружу.

– Теперь слюни и сопли льешь! Договаривайся вот теперь! – Он потряс ладонью в сторону Лены. – Вот, унижайся!

Сказал и выкатился в другую комнату.

– Отец Леши сейчас сидит, – сказала женщина и закурила. – Но я тут ни при чем, сам добился. Пьяный он идиот. Сыну двенадцать лет было, когда это случилось. Мальчик тогда был такой нежный, податливый... Как воск – что вылепишь, то и будет. А лепить-то некому. Я взвалила на себя фирму мужа, пропадала на работе. Это теперь они забегали, всполошились, братья мужа. А где они были все эти годы? Только деньги Лешке совали, вроде как помощь. А что для мальчика дармовые деньги? Вред один...

Если бы Зимины повела себя иначе, если бы в ее тоне засквозили наглость и превосходство, Лена бы развернулась и ушла. Но женщина вызывала сочувствие. Ее рука с сигаретой нервно дрожала.

– Вы подумайте, что с ним в колонии-то будет! Сломают его там! Елена Павловна, милая, пожалейте вы нас!

И мать Леши заплакала в голос, как на похоронах.

Лена с минуту сидела без движения. А потом заговорила:

– Я вам тоже могу слезную историю поведать про своего ребенка. Как мы все детство по больницам... Он умирает в реанимации, а я в больничном туалете закрылась, на колени

бухнулась и просила Бога не забирать моего сыночка. И Кирюша выжил. Но уже не мог развиваться, как другие дети, отставал в развитии. Стал инвалидом. Но знаете, он никогда не ударит ребенка на улице. Он и котенка не ударит, не то что... Хотя он тоже рос без отца.

– Простите нас, – после паузы попросила Зимина. – Ради Бога, простите.

Лена почувствовала усталость и пустоту. Ничего не клокотало внутри.

Дядя осторожно вкатился в комнату.

– Хорошо. Я заберу заявление. Но честно говоря, сомневаюсь, что вашему сыну это пойдет на пользу.

– Он осознал, – поспешила уверить мама. – Он раскаивается! Они ведь там, в больнице, подружились с вашим мальчиком...

Мама Леша очень старалась. Она попыталась тронуть сердце госты тем фактом, что так сильно раздражал. «Они ведь там подружились...»

Лена поднялась. Тут вклинился Дядя:

– Адвокат предлагает передачу суммы произвести в его присутствии. Чтобы все официально.

– Да идите вы со своими деньгами! – не выдержала Лена.

Дядя закрыл рот.

– Не отказывайтесь, – попросила Зимина. – Вы на эти средства сможете купить путевку в санаторий. Полечите ребенка... Поймите, мы искренне сожалеем и хотим помочь...

Когда Лена в деталях передавала мне эту встречу, слова Лешиней мамы о воске больше всего поразили меня. Я решила привести их на своей встрече с мамашами, к которой уже начала готовиться. Я должна их всех увидеть. Каждую. И в среду на педсовете поделилась планами, и их одобрили. Анжела даже вызвалась помочь в организации.

После педсовета я, как обычно, сломя голову неслась в сторону Поля Чудес. Торопилась к Черновым за Иришкой. Лепил мокрый снег, под ногами хлопала снежная каша, в голову лезли мысли о горячем супе и о горячей ванне. А предстояло еще тащиться с Иришкой из Поля Чудес в Простоквашку по этой слякоти.

Пока я месила слякоть, сапоги, конечно же, промокли. Войдя в прихожую, громко крикнула:

– Вот и я!

На мое приветствие никто не ответил. Конечно же, моя подруга и моя дочь решили затянуть меня в прятки. Они это любят. Но так не хотелось разуваться, шлепать в мокрых носках по черновским коврам, оставляя кругом мокрые следы, кричать «куку» и заглядывать во все углы. Мне было не до игр, я в школе наигралась.

– Ириша! – прокричала я. – Мама пришла.

Ни звука в ответ. Не дождутся. Все равно не буду разуваться и снимать дубленку.

Я прошла в холл, недовольно прокричала в сторону второго этажа:

– Ксюш, мне некогда!

Вверху что-то грохнуло, и вслед за этим раздался истошный Ксюхин визг.

– Ира! – заорала я и рванула к лестнице. – Ира!

Я уже была на середине, когда передо мной возник Вадик – в расстегнутой рубаше, с закатанными по локоть рукавами. У него был вид мясника. Я невольно отпрянула и зацепилась за перила.

– А вот и Светочка... – нехорошим голосом проговорил он и протянул ко мне руки. – Подружка наша золотая...

Глаза у Вадика были как стеклянные. Я никогда прежде не видела у людей такого странного взгляда.

– Где моя дочь? – как можно внятнее спросила я.

– Нету. – Вадик скривился и показал пустые руки. И вдобавок покрутил ими так противно.

Я не помню, как проскочила мимо него. Вероятно, просто оттолкнула. У меня было такое состояние, что я могла бы отодвинуть гору. Или превратиться в пчелу, чтобы оказаться на втором этаже. И я там оказалась.

Влетела в одну спальню – никого, в другую... Моя подруга сидела на огромной кровати, забившись в самый угол. Она смотрела на меня одним глазом, другой заплыл и почти полностью закрылся. На ногах и руках обозначились красные ровные полосы, будто ее били плеткой. Ксюшка тряслась и молча смотрела на меня.

– Где Ира? – Голоса моегохватило только на шепот.

– Я не успела в сад, – ответила Ксюшка, клацая зубами. – Он не пустил меня.

– Ты не забрала ее из сада? – переспросила я, пытаюсь собрать мысли в кучу.

– Полюбовалась? – раздалось у меня за спиной. – Твоя работа.

– Что? – Я повернулась к Чернову. Глаза его, в красных прожилках, смотрели на меня сузившимися зрачками.

– Кто моей жене наврал про любовницу? Не ты? Развести нас хочешь? – Он попытался схватить меня за руку.

– Убери руки, ненормальный! – Я отпрыгнула. – Садист!

Я оказалась в коридоре, он вывалился вслед за мной. Поймал за руку и больно дернул на себя.

– Иди сюда!

Изловчившись, я треснула его сумкой по черепу. Это только еще больше его разозлило.

– Ах ты!

Чернов выдернул у меня из рук сумку и бросил на пол. Этого мгновения мне хватило, чтобы вырваться и оказаться на лестнице. «Телефон в кармане», – вспомнила я.

Тут Чернов прыгнул за мной, лестница заходила ходуном. Он напоминал мне разъяренного медведя. Видела подобное в кино. Я нырнула под перила, повисла и спрыгнула вниз. Поднимаясь, запуталась в собственном шарфе и поняла, что сплеховала – Чернов уже был внизу и перегородил мне путь к выходу.

– Я тебя просил молчать? Сучка!

Он качался из стороны в сторону, как неваляшка. Мне стало страшно.

– Я ничего не говорила, – зачем-то начала я оправдываться. – Твоя Рыжая сама Ксюшке позвонила.

– Не свисти, – посоветовал он, надвигаясь на меня.

Я метнулась в столовую. Уронив по пути стул, бросилась к кладовке. Толкнула дверь. Зачем я это делала? Не знаю. Во мне проснулся инстинкт самосохранения и заглушил здравый смысл. Оказавшись среди коробок и кастрюль, захлопнула дверь и двумя руками задвинула засов.

Я оказалась в западне. Кладовка не имела окон и запасного выхода. У меня оставалась одна надежда – телефон. Но, вытащив его на свет, поняла, что зря надеялась. В черновской кладовке напрочь отсутствовала сеть.

Между тем Чернов стоял под дверью.

– Ты провинилась, Светочка, – вещал он. – И должна быть наказана. Таких девочек, как ты и Ксюша, надо воспитывать. Плохо тебя муж воспитал.

– А тебе лечиться надо, – ответила я. – В стационаре и смиренной рубашке! Псих.

Он подергал дверь.

– Светик, открой по-хорошему.

– Не дожدهшься.

– Ты поиграться со мной решила?

Чернов дернул сильнее, и я поняла, что засов, держащийся на трех шурупах, – лишь видимость надежности. Чернов дергал дверь методично, словно раскачивал больной зуб.

Я проклинала Ксюшкино второе замужество. С самого начала можно было понять, что ничего хорошего из этого не получится. Одна тетя Таня была довольна – дочь выходит за богатого.

Познакомились они в ресторане, куда Ксюха закатилась с однокурсниками. Она тогда была в депрессии, от которой пыталась избавиться всеми мыслимыми и немыслимыми способами.

Студенты-хореографы отрывались по полной, они умеют веселиться. Ксюшка хорошо выпила и отправилась танцевать стриптиз у шеста. Вот тогда ее и заметил Вадик, который отмечал в ресторане встречу с друзьями – ветеранами второй чеченской войны.

К концу вечера компании танцоров и воинов-«чеченцев» слились в одну, как, впрочем, и линии жизни Вадика и Ксюхи.

...Вадик ударил в дверь с такой силой, что стало очевидно – она вот-вот слетит с петель.

«Хоть бы кто-нибудь пришел! – умоляла я белый потолок с матовым плафоном. – Хоть бы кто-нибудь!»

Мой немой вопль был услышан. Там, наверху, распорядились, чтобы пришел Горин. Я узнала его по голосу. Он говорит очень громко.

– Чего шумим? – проорал он из холла.

– Да вот... – отозвался Вадик, – попросил Светку вина принести из кладовки, а у нее дверь заклинило.

Вывернувшись! Я со стуком отодвинула засов и распахнула дверь.

– Ну вот, открылась, – прокомментировал Горин. – Здорово, Светик! А где вино?

Не спросил, почему я в пальто, а сразу про вино!

– Ты больной, Вадик, – повернулась я к Чернову. – Больной на всю голову.

– А ты чего в пальто? – опомнился Горин.

Не взглянув на него, я прошагала к выходу. Но уже в дверях подумала про Ксюху. Все же не по-товарищески получается – уйти, оставив подругу в лапах этого изверга.

Я взлетела наверх. Моя подруга сидела в той же позе, в том же углу. Она перестала стучать зубами, но выглядела совершенно апатичной.

– Собирайся! – приказала я.

– Куда?

– Переночуешь у нас, а завтра уедешь к маме.

– Я боюсь, – прошептала Ксюха.

– Ты должна бояться оставаться здесь! Тебе надо ноги уносить, пока жива!

– Он нас не выпустит, – возразила Ксюха.

– Там Горин внизу, они водку пьют. При нем Вадик не вякнет.

Я раскрыла шкаф и вытащила сумку.

– Бесполезно это, – остановила меня подруга. – Он сказал, что, если я уйду, он маму убьет в первую очередь. А ему ведь ничего не стоит, убьет, я верю.

– А во вторую кого?

– Во вторую меня.

– И что ты собираешься делать?

– Я сама виновата, что про эту дуру стала спрашивать...

– Ах, ты еще и виновата! – Я чуть не задохнулась от возмущения.

– Свет, ты иди. Поздно уже. Игорь там, наверное, с ума сходит.

В подтверждение в кармане запиликал телефон.

– Ты где?! – прокричал мой муж. – Ты на часы смотрела? Битый час звоню, а ты недоступна!

– Я у Ксюши. Ты Иру забрал?

– Ах ты у Ксюши?!

Я представила себе его чувства. Я бы тоже разозлилась.

– Я тебе сейчас все... – Но я не успела ничего объяснить. Игорь отключился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.